

ВАЛЕНТИНА ГАМАРНИК

Невидимые нити-3

Валентина Гамарник
Невидимые нити - 3

«Автор»

2026

Гамарник В. С.

Невидимые нити - 3 / В. С. Гамарник — «Автор», 2026

Красивой девушке сложно. Красота привлекает внимание и хороших, и недостойных мужчин. В третьей книге Татьяна после окончания в 1977-ом году филфака отправляется работать в Толочинский район Витебской области. Заведующий районо, узнав, что Татьяна родилась в многодетной учительской семье, направляет девушку работать в восьмилетку, в которой языковеду можно предоставить много рабочих часов. В романе рассказывается о тех трудностях, с которыми столкнулась молодой специалист, работая на ниве знаний, что находится в северной части Белоруссии, где также начинал свою трудовую деятельность Леонид Ильич Брежнев. Председатель с/с, добрый парень Шурик, водитель Витюша и другие претендуют на сердце Татьяны. Через некоторое время на пороге учительской появляется Горлик Павел, которого неприветливо встречает директор школы, мечтавшая найти Татьяне Степановне ухажёра из местных. В третьей книге автор продолжает рассказывать об истории своей родной деревни Селин и нелёгкой доле земляков.

© Гамарник В. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Приезд в Толочин	6
Колосово	10
Директор	13
Василий Константинович	14
Заселение	17
У Янихи	19
Я и директор, и завуч, и мамка ваша строгая	21
Во вторник	23
Школьная жизнь	26
Сплетни	27
Кавалер Виктор Ловдзик	30
Володя Овсевич	34
Тоска-кручинушка	36
Действие колдовства	38
Я к тебе на крыльях летел	40
Дом в центре города	43
Письмо	47
Заговор	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валентина Гамарник

Невидимые нити - 3

Книга посвящается Центер Марии и Ольге Кобяковой – женщинам-леди, женщинам-матерям, сердца которых всегда открыты для добрых дел. Автора восхищает способность Марии и Ольги смотреть в будущее, чтобы творить чудеса здесь и сейчас!

*Я тебя никому не отдам!
Ни дорогам глухим, ни туманам!
Нам не нужен обман,
Пусть исчезнет дурман!
Так любовь твердит неустанно!*

Приезд в Толочин

Толочин встретил Татьяну дождливой погодой. Город скрылся в утренней мгле, словно откровенно выражал недовольство ранним прибытием молодого специалиста. Три больших лужи, многочисленные ямы на асфальте, церквушка, небольшая площадь в выбоинах перед зданием исполкома – это всё, что удалось разглядеть вновь приехавшей. Автобус доставил гостью по месту назначения согласно купленному билету в шесть утра. В такую рань двери государственного учреждения оказались закрыты. Пришлось стать под козырёк крыльца, чтобы не промокнуть. Вскоре подтянулись ещё несколько человек, потом ещё и ещё.

Оказалось, что двадцать выпускников Минского пединститута прибыло по распределению в Толочин. Некоторых молодых специалистов сопровождали мамы, папы и родственники. Татьяна узнала Нестеровича Валеру из белорусского отделения филфака, несколько знакомых парней, выпускников исторического факультета. Хотела подойти к будущим коллегам, чтобы поздороваться, но не успела. К крыльцу исполкома подкатил легковой автомобиль жёлтого цвета, из неё выскочила эффектная (высокий рост, длинные ноги, большая грудь, яркий макияж) блондинка и, распрямив красный зонт, оглянулась по сторонам – приметив Татьяну, напрямик направилась к ней.

– Синявская, и ты здесь? – произнесла девушка с кислой миной на лице.

– Ой, Янковская! Томочка! – радостно приветствовала бывшую однокурсницу Татьяна.

– Я не опоздала? – спросила Тамара.

– Как видишь – нет! – весело ответила Синявская, приплясывая.

– Не понимаю – чего скачешь? Чему радуешься? – скривилась собеседница, оглядывая озябшую девушку с ног до головы.

– Пытаюсь согреться и унять тревогу, – ответила Татьяна. – Смотри – толпа молодых специалистов гудит. Народ – в ожидании, народ – в нетерпении. Большинство с шести утра здесь, успели замёрзнуть.

Тамара осмотрела группки людей, толпившихся у входа в здание исполкома – хмурый утренний пейзаж и невесёлая компания будущих коллег навели на девушку тоску, и она окончательно приуныла.

– Ничего – выстоим! – ответила Танюшка, продолжая подпрыгивать и похлопывать руками по плечам.

– Мне бы твой оптимизм, – вздохнула Янковская. – Какая Тмутаракань!

– Согласна, – ответила Синявская. И, остановив взгляд на лице собеседницы, сверкавшем мрамором молодой ухоженной кожи благодаря дорогому тональному крему, заявила: – Кого-кого, но тебя, Томочка – штучку столичную, не ожидала здесь увидеть.

– Во время распределения ткнула пальцем в карту в кабинете декана и попала на кружочек, а рядом с ним стояла надпись – Толичин.

– А я этот город выбрала из-за близости железной дороги.

– Мы на машине сюда добирались. Ехали, ехали, а дождь не прекращался – морозящие осадки достали... Видимости – никакой... Сырость пробралась даже в кузов, бррр! – вздрогнула Янковская, встрепенувшись всем телом, словно попыталась сбросить со своей высоченной фигуры невидимые капельки влаги.

Решив приободрить себя, достала из косметички зеркальце в золотистой оправе. Оглядев причёску, слегка поправив волосы, не спеша перевела взгляд на лицо и вместо привычного милого сердцу изображения молодой девушки увидела страшную картину: кончик носа посинел и сгорбился, а губы... губы свернулись в две тонкие серовато-фиолетовые трубочки. Томочка вскрикнула:

– Ужас! Я похожа на старуху ведьму!

– Это от холода, – попробовала успокоить однокурсницу Татьяна, но та судорожно достала из сумочки пудру и помаду и принялась поправлять макияж. После нескольких точных движений рукой нос столичной девушки похорошел, а нежная кожа её губ заблестела привычным приятным перламутровым оттенком. Осмотрев своё изображение в зеркальце со всех сторон, и, оставшись довольной увиденным, Томочка произнесла решительным тоном:

– Не дадим этому дикому краю нас загубить!

– Северо-восток Белоруссии, – поддержала тему Синявская. – Здесь – зимы суровые, а летом каждый день идёт дождь. Говорят – молодые специалисты бегут!

– Ну, я тоже в этих местах не задержусь! – решительно заявила яркая блондинка-минчанка.

– Как это? – удивилась Танюшка, которая и помыслить не смела нарушить закон о распределении выпускников вузов.

– Видно будет, – ответила однокурсница, не желая раскрывать тайные планы. – Не представляю свою жизнь вне столицы!

– Вот как... – промямлила собеседница.

* * *

Отношения Синявской с Тamarой Янковской нельзя было назвать близкими – студентки-минчане держались особняком от деревенщины, образовав своё сообщество внутри группы. Янковская на экзаменах знаниями не блистала, зато выделялась броской внешностью и яркой дорогой одеждой. В отличие от молодых парней, обращавших внимание на большой бюст Томочки, Татьяна обладательницу тонких губ, большого носа и маленьких лисих глазок, казавшихся ещё меньше оттого, что глубоко утопали во впадинах под бровями, красавицей никогда не считала. Но сокурсница Синявской умело пользовалась косметикой, удачно выделяя достоинства своей внешности, и, благодаря высокой фигуре и искусному яркому макияжу, Янковская считалась девушкой видной.

* * *

Сегодня Томочка надела строгий синий кримпленовый костюм, а пышные вьющиеся волосы собрала в пучок.

– Красивый комплект! – сделала комплимент Татьяна.

– Спасибо! – без энтузиазма поблагодарила Тамара.

– А я по-дорожному... в брюках... в автобусе... – оправдывалась Синявская.

В этот момент массивная деревянная дверь двухэтажного здания со скрипом распахнулась, и из неё вышел пожилой седой мужчина, остановившись на крыльце, оглядев толпу строгим взглядом, крикнул:

– Кто в районо – заходи!?

Пропуская посетителей, поспешивших первыми ворваться в здание, и придерживая одну половинку дверного полотна, волнуясь за сохранность второй, сторож принялся ворчать:

– Разнесут сейчас тут всё! Тихо, дети, не спешите, аккуратно, аккуратно двигаемся. Тоже мне – образованные! По очереди друг за дружкой... Не царапайте дерево, только в этом году заново лаком покрыли. Двери – лицо установки!

– Где кабинет заведующего? – хором спросили молодые специалисты, ввалившись шумной гурьбой в вестибюль.

– На втором этаже, 201-ый. И осторожно на лестнице – ступеньки крутые, и по одному, по одному поднимайтесь! Не спешите, успеете и распределиться и поработаться ещё так, что плакать будете, – командовал суровый дядька, неодобрительно оглядывая толпу, ринувшуюся

штурмовать солидное учреждение. Сторож, побурчав ещё с минуту, удосужился крикнуть вдогонку весело удаляющейся молодёжи: – К секретарю, к секретарю сначала загляните! А чемоданы в гардероб сдайте.

Секретарь – пожилая женщина, носившая высокую пышную причёску, придававшую ей солидный и неприступный вид, как и требовал имидж учреждения высокого ранга, Синявскую вызвала третьей. Заведующий районо – Дмитрий Леонидович, принялся распытывать и допытывать прибывшего молодого специалиста:

– Откуда родом?

– Из Брестской области, – бойко ответила Татьяна.

– Из тёплых краёв к нам, значит? Кто родители?

– Учителя, – сказала Синявская так, словно это само собой разумелось.

– Династия, значит?

– Пока ещё нет, но... надеюсь... – кивнула молодой специалист.

– Сколько детей в семье?

– Много!

– А конкретнее?

Таня покраснела.

– Отвечать необходимо?

– Да!

– Зачем? – тянула резину девушка.

– Значит, нужно для чего-то! – повысил голос Дмитрий Леонидович, перебирая бумаги на столе.

– Девять, – неохотно ответила Татьяна.

– Братья, сёстры... чем занимаются?

– Учатся, Григорий в армии служит.

– Все на обеспечении родителей, значит?

– Да, – ответила Татьяна, отметив при этом, что «значит» – слово-паразит у заведующего.

– Значит, так! Садитесь и пишите мне обо всех членах семьи подробно, кто, где и чем занимается!?

Неохотно подчинившись приказу начальства, Татьяна принялась усердно излагать необходимые сведения на бумаге, но околевшие и посиневшие руки не слушались, вследствие чего дело продвигалось медленно. В наступившей тишине кабинета девушка слышала, как скрипит её ручка и тикают настенные часы, находившиеся в красивом корпусе из светлого дерева, покрытого лаком. Несколько раз открывалась дверь – заглядывали секретарь и взволнованные молодые специалисты, но ничто не могло поколебать невозмутимость Дмитрия Леонидовича. Когда вспотевшая от усердия Синявская закончила трудиться, заведующий внимательно прочёл написанное и сообщил:

– Направляю вас в Колосово.

– Это далеко? – прохрипела Татьяна – в горле неожиданно пересохло.

– Семь километров от Толочина. Будете преподавать русский, немецкий языки, а также – белорусский.

– Немецкий не потяну!

– Надо верить в свои силы! Колосовская восьмилетка – единственная школа в нашем районе, где много часов для языковеда. Слушаться старшего!

– Есть слушаться старшего! – покорила Татьяна.

– Потом спасибо скажете! Хочу помочь многодетной семье знакомым знакомыми солидарности с вашими родителями. Особенности жизни сельского учителя мне знакомы не понаслышке: сам начинал свою трудовую деятельность в глубинке.

Заведующий подошёл к широкому окну, занимавшему почти всю заднюю стенку кабинета, и принялся вглядываться вдаль, медленно перебирая длинными пальцами кончик модного узкого галстука. Татьяна, не решаясь вторгнуться в воспоминания Дмитрия Леонидовича и полистать вместе с ним слайды времён, принялась созерцать пейзаж.

За окошком наблюдалась всё та же унылая картина, что и утром: серая мгла окутала небольшой задний дворик, молодые ивы согбенно пригнули ветки почти до самой земли под тяжестью многочисленных наливных капелек морозящего дождя, а на небольших пышных деревцах сидели скукожившиеся мокрые воробышки, переживавшие непогоду. Серовато-белые испарения, змейками поднимавшиеся из-под зелёного травяного покрова, окутали промозглой влагой воздух до уровня второго этажа здания исполкома и проникли сквозь открытую форточку в комнату. Татьяна принялась потирать ладонями плечи, пытаясь согреться. Шорохи в кабинете вывели заведующего из задумчивого состояния и, повернувшись к Синявской, он произнёс:

– Ваше будущее не столь туманно, как непогода за окном. Будете работать с одним из лучших директоров. Зарплата ожидается достойная. Отправляйтесь по месту назначения и трудитесь. Колосово – ваша судьба! Желаю успехов! И, пожалуйста, не подведите меня!

* * *

Несколько позднее Татьяна узнала, что Валерий Нестерович – выпускник белорусского отделения и однокурсник Синявской, получил направление в самую лучшую школу в районе, находившуюся в посёлке Коханово, где ему едва наскребли восемнадцать часов на ставку. Томочка Янковская своим строгим видом в красивом костюме произвела эффектное впечатление на Дмитрия Леонидовича, и он назначил её завучем в одну из далёких деревень, а Татьяна Степановна удаче своих бывших однокурсников в тот момент даже чуть-чуть позавидовала.

Колосово

Автобус остановился на шоссе Москва – Минск через километр после деревни Матиёво.
– Колосово! – объявил водитель.

– Где же здесь дома? – удивлённо спросила Татьяна, вглядываясь в безлюдный окружающий пейзаж через запylённые окна автобуса и не решаясь покинуть салон. – Кругом лес!

– С противоположной стороны, девонька. Там грунтовая дорога упирается в асфальт, – пояснила контролёр, полная женщина средних лет, занимавшая одновременно два сидячих места. – По-о-торопи-ись! Остановка меньше минуты!

Громкий и удивительно звонкий голос владычицы салона подстегнул Синявскую, и она вместе с тяжелой сумкой вывалилась из автобуса. Молоденькая пассажирка, покинув временное пристанище, неуверенно ступила на землю, на которой ей предстояло жить и трудиться три года. Автобус, едва дождавшись приземления молодой особы, решительно фыркнул выхлопной трубой и умчался по намеченному маршруту, а Татьяна, оставшись одна, неуверенным шагом пересекла шоссе и направилась к съезду. По широкой грунтовой дороге, что вела в Колосово, по обеим сторонам которой росли высоченные сосны, и, которую проложили через лес, шла медленно, ворочая голову то влево, то вправо, внимательно вглядываясь в окрестности. Толстые стволы старых деревьев метра на полтора от земли были оголены, а внизу, на мху и черничнике, лежали кучки изгрызенной коры и древесины.

– Бедненькие, кто это вас так изуродовал? – вздохнула наша героиня и, поставив тяжёлую сумку на обочину дороги, остановилась на несколько минут, чтобы передохнуть и подышать свежим воздухом, насыщенным ароматом хвойных смол.

– Лесные обитатели сделали свою работу, – услышала над ухом ответ, произнесённый приглушённым голосом.

Татьяна вздрогнула – рядом с ней стоял молодой человек и держал в руках велосипед. Девушка схватилась за сумку:

– Напугали! Как вам удалось незаметно подобраться?

– Я тут... за деревом находился, – приветливо улыбнулся кудрявый парень высокого роста. – Видите, какие большие отверстия выдолбили санитары леса?

– Это работа бобров?

– Заблуждаетесь – дятлы! Нет здесь у нас рядом ни речки, ни водоёма. Предлагаю прокатиться со мной на велосипеде.

– А вы, собственно, кто?

– Шурик! Александр! Житель деревни Колосово.

– Татьяна Степановна – учитель русского языка и литературы.

– Знаем, ждём: из районо звонили.

– Вы тоже педагог?

– Нет, работаю на автозаводе в Минске.

– Так откуда же вам известно...

– Деревня слухами полнится, – ответил Александр и почти силой вырвал у девушки сумку. Размещая поклажу на багажнике, произнёс: – Тяжё-ё-ёлая! Я как чувствовал...

– Меня чувствовали? – засмеялась Татьяна Степановна.

– Нет! Сумку! – поддержал шутку молодой человек и улыбнулся. – Конечно, вас! Дома, в деревне, представил картину вашего прибытия на автобусе к развилке и подумал: «Как она, бедненькая молоденькая тоненькая хрупкая доберётся одна. Дорога то незнакомая, да и багаж!».

–Премного благодарна.

– Садитесь на раму, доставлю к месту назначения.

– Спасибо, дойду ножками! Далеко до школы топать?

– С километр будет, – махнул рукой Александр в сторону, где, по всей видимости, находилась восьмилетка.

К концу этого разговора лес закончился, уступив пространство пахотным угольям. Тяжёлые пласты перепаханной земли лежали ровными рядами и блестели на солнце серебром. Пахло влагой, которую оставил недавний утренний дождь, а также мокрой соломой от жнивья и ещё чем-то приятным и до боли знакомым. Таня с наслаждением сделала глубокий вдох.

– Александр, дымком тянет? – спросила девушка, прищурившись. Полуденное августовское солнце светило ярко, заставляя спутников отводить взгляд в сторону.

– Деревня, – без особого восторга констатировал парень. – Шуриком меня зовите, попростому, без официоза – так теплее.

Татьяна остановилась на вершине холма и, приложив к голове ладонь, которая образовала импровизированный козырёк, осмотрелась – слева от дороги находился хутор, состоящий из четырёх построек, а вдаль, внизу холма и на вершине следующей возвышенности, разместилась деревенька. Небольшие домики беспорядочно располагались то тут, то там.

– Какая она ма-а-аленькая! – разочарованно протянула угасшим голосом Синявская. – Сколько домов? Двадцать? Не более!

– Но школа есть – дети из соседних деревень посещают, – попытался приободрить молодой человек девушку. – Клуб, магазинчик какой-никакой, почта имеется.

Сердце Татьяны Степановны учащённо забилось, по телу побежали мурашки беспокойности. Примет ли этот край её!?

– Ладно, Александр, который Шура, он же Шурик, он же Саша, даю добро вашему предложению, – согласилась вновь прибывшая учительница.

– А ещё Сашенька, Сашок!

– Куда садиться?

Парень засуетился, неловко помогая спутнице водрузиться на узкую металлическую раму. Когда процедура размещения корпуса молодой учительницы подошла к завершению, Шурик сел на седло и радостно закричал, отдавая команду себе, велосипеду и спутнице:

– Эх! По-о-ехали! Оттолкнувшись ногой от земли, Александр принялся весело крутить педалями и кричать на всю округу: – О-го-го!

Хорошо, что не «иго-го», а то бы Татьяна Степановна прыгнула. А так, что ж, пусть молодец орёт, коль сила есть и задор! Велосипед тем временем резво катился, и его иногда потряхивало, когда колёса попадали на камешки грунтовок. Девушка не обращала внимания на неудобства и старалась смотреть по сторонам, запоминая каждый кустик у обочины, каждую яму и выбоину на дороге. Ветер дул молодым людям в лицо и шевелил кудряшки блондинки. Если колёса передвигного наземного транспорта ехали вперёд, то волосы Татьяны Степановны летели назад, попадая иногда Шурику в лицо. Он вдыхал их аромат и сходил с ума: пахло розами, ромашками, яблоками и... малиной. Александр любил эту ягоду больше всего на свете за нежный едва уловимый тонкий вкус и аромат. От избытка эмоций голова у парня закружилась. Вдруг справа из-за зарослей зелёных насаждений показались стройные домики из белого кирпича – и парень затормозил.

– Кусочек цивилизации! Улица из современных домов? – спросила удивлённая Синявская. – Как это я её не заметила?

– Колхозные двухквартирные дома спрятались в зарослях, – пояснил Александр. – В старую часть деревни мы поедем через пашню – так короче.

Когда подкатили к школе, Шурик осторожно снял Татьяну Степановну с велосипеда и прошептал девушке слова с такой нежностью, словно она была его давней знакомой:

– Надеюсь, мягкое место не сильно пострадало от тряски?

– Нет! – смутилась учительница и вырвалась из ручищ весёлого высоченного черноволосого кудрявого парня.

– Выходи за меня замуж! – не то в шутку, не то всерьёз предложил красавец, а Татьяна Степановна запрокинула голову вверх, посмотрела Александру в его добрые глаза, и рассмеялась.

Заливисто и красиво звучал голос блондинки, тонким звоном колокольчика разливаясь по долине, а кадык новоявленного кавалера ходил то вверх, то вниз, и пушистые ресницы дрожали. На душе приезжей стало легко и спокойно.

– Притормозите, молодой человек! Слишком большую скорость на старте взяли.

– В этой деревне по-другому нельзя. А директора школы не бойся! Антонина Филипповна – умница: два высших образования – поможет, подскажет, научит.

Директор

– Кто тут умница!? – услышала Синявская приятный голос, донёсшийся из-за деревьев.
– Я, надеюсь? Через несколько секунд из школьного сада вышла обладательница бархатистого тембра, увидев молодых людей, спросила: – Шурик!? Это ты!?

– Я! – парень смущённо улыбнулся. – Вот, новую учительницу вам привёз!

– Похвально! – засмеялась в ответ директор и представилась. – Антонина Филипповна! Отныне ваш начальник и наставник всем молодым специалистам – нянька, можно сказать.

– Татьяна Степановна!

– Очень приятно! Очень! Рады вашему прибытию. Молодёжь любим, но в нашей некачественной и забытой всеми деревеньке мало кто задерживается.

– Как это – забытой!? Ничего и не забыта! – вырвался мощный бас через полуопущенное стекло подъехавших Жигулей бежевого цвета. – Я вот приехал навестить!

– Председатель сельского совета, – шепнула директор. – Здравствуйте, здравствуйте! – весело приветствовала Антонина Филипповна начальника, который к тому моменту уже вышел из автомобиля, оставив дверцу со стороны водителя открытой.

– Заехал узнать, как у вас дела, заодно, познакомиться с прибывшими молодыми специалистами.

– Пока... вот... только Татьяна Степановна, – ответила директор.

Председатель сельского совета, подойдя к честной компании ближе, протянул Синявской руку для приветствия и представился:

– Василий Константинович. После этого внезапно появившийся начальник принялся внимательно рассматривать новенькую, затем, закончив с неприятной для Татьяны процедурой, длившейся, к счастью девушки, недолго, повернулся к директору школы и медленно произнёс: – Антонина Филипповна! Можно я украду вашу подопечную?

– Но... она ещё... не успела разместиться, – растерялась собеседница. – Впрочем, Александр, отвезите, пожалуйста, сумку Татьяны Степановны к Янихе, – распорядилась директор. – Надеюсь – моё поручение вас не затруднит?

– Да, конечно, – вяло ответил Шурик, провожая унылым взглядом парочку, шагавшую к автомобилю.

Василий Константинович

Лишь только одна останется грань

Сейчас,

Отдашь свою тень —

И призраком станешь тот час!

Оглядываясь временами то на Шурика, то на Антонину Филипповну, Татьяна Степановна отправилась вслед за председателем.

– Садитесь в машину, – приказал начальник и открыл дверцу со стороны переднего пассажирского сиденья. – Прокачу вас по окрестностям и покажу наши владения, – произнёс Василий Константинович и, не дождавшись решительных действий со стороны Татьяны, взял Синявскую за локоток и легонько подтолкнул к салону. – Поместим вас на постой к одинокой женщине. Комната – отдельная, три рубля в месяц, которые будет оплачивать сельский совет, – продолжил беседу председатель, усаживаясь за руль и заводя автомобиль.

– Всего то? – удивилась учительница. – И бабушка согласна на такие условия?

– Говорит, что веселее вдвоём будет. Сын у Янихи холостой, живёт далеко, приезжает крайне редко. Об оплате за трёхразовое питание договоритесь сами.

– Хорошо.

– Сельский совет располагается в деревне Мотиёво. Мы сейчас проедем лесок, выдвинемся на шоссе и через километр свернём налево.

Притихшая Татьяна смотрела в окошко резво бегущего автомобиля и не узнавала пейзаж, который она полчаса назад наблюдала вместе с Шуриком. Солнце спряталось за набежавшими тучами, пахотные земли утратили свой блеск, натянув тёмно-серое одеяло, лес, ранее сверкавший зеленью листвы и хвои, потемнел, потеряв полуденную свежесть. Словно прочтя мысли пассажирки, импозантный мужчина с небольшой сединой в волосах произнёс:

– Погода у нас переменчивая, – и усмехнувшись, добавил, – но рядом со мной никакие невзгоды не страшны, поняла?

– Угу, – буркнула Синявская и, пока Василий Константинович выруливал на асфальтированную дорогу, призадумалась: «Столько внимания молодому специалисту!? С чего бы это?»

Мотиёво оказался большим и аккуратным посёлком сельского типа. Ровные широкие улицы, цветы возле заборов, магазин, почта производили приятное впечатление. Возле здания с красным флагом председатель остановился, затем повернулся боком к Татьяне Степановне, и, внимательно заглянув в глаза пассажирки, спросил:

– Паспорт с собой есть?

– Да, конечно! – ответила девушка.

– Дай, сюда.

– Зачем?

– Прописать тебя надо.

Татьяна Степановна достала из дамской сумочки документ и неохотно протянула его Василию Константиновичу – про себя отметила переход в обращении председателя на «ты».

А тот, перелистывая страницы паспорта, спросил:

– Замужем?

– Нет, – отрицательно помахала головой учительница.

– И не была?

– Рано мне ещё!

– Двадцать один год. Да, малова-а-ато, – задумчиво протянул мужчина.

– Вы... почему интересуетесь?

– По-о-чему? – протяжно переспросил начальник и посмотрел в глаза девушки так, что она покраснела, после небольшой паузы разъяснил, – хочу, чтобы была моей любовницей!

Татьяна растерялась. Вот так финт выбросил старикан, одетый в белую с коротким рукавом рубашку и бежевые брюки!

– Станешь послушной девочкой – будет всё, – продолжил свою речь начальник. – Поселю на квартире в Мотиёво, поспособствую через год о переводе в Толочин.

– Простите – абсурдная ситуация: мы знакомы всего полчаса.

– Человек я надёжный, слово держу, – гнул свою линию «польский кавалер». – Так да или нет?

– Сейчас требуется ответ?

– Безотлагательно! Мне и так пришлось поспешить – боялся, что кто-нибудь перехватит.

А Шурик, шустря-я-як, всё равно опередил!

– Серьёзно этот разговор воспринять не могу – вы намного старше меня.

– У тебя кто-то есть?

– Вы же сами сказали: «Александр проворнее оказался!»

– Разберёмся! Галя – твоя предшественница, учитель русского языка и литературы, тоже вначале сопротивлялась. Но ничего – сдалась. И тебе советую крепко подумать. Ну, так как? – настаивал Василий Константинович.

– Приняв ваше предложение, я потеряю своё лицо.

– Это отказ?

– Да!

– Посмотрим, – ответил председатель и завёл автомобиль. Подъехав к Колосовской школе, Василий Константинович остановил Жигули, заглушил двигатель машины и медленно полистал странички паспорта молодого специалиста, закончив с досмотром, спросил ледяным тоном: – Татьяна Степановна! А что это у вас прописка за четыре года отсутствует!?

Волна холода, исходившая от спутника, заставила девичье сердце замереть от страха.

– Как отсутствует!?

– В одна тысяча семьдесят третьем году вас выписали из школы-интерната, расположенного по адресу: город Минск, улица Тарханова, дом 20, – и больше никаких отметок нет. Спрашиваю: «Где обитали?»

– В институте училась, в общежитии жила.

– Где подтверждение этому? Где запись? Где документ? – тряс зелёной книжечкой председатель и брызгал слюной. – Без бумажки ты – и букашка, и дурашка.

– Зачем так грубо? – отбивалась Татьяна Степановна.

– Будьте добры прибыть во вторник в паспортный стол к двенадцати ноль-ноль для подробного разбирательства, – распорядился председатель сельского совета. – Документ я забираю до выяснения обстоятельств дела.

– Какого дела?

– Есть тело, будет и дело.

Прикрыв веки, блестящие точно так же, как те две слезинки, что капнули на колени, кожа которых покрылась пупырышками от озноба, учительница, словно, школьница, уткнулась взглядом в пол чистенького салона и увидела картину: чтобы не вымазывалось чёрное ковровое покрытие, хозяин Жигулей положил на них газетки, а из-под светлых брюк выглядывали белые с небольшим серым оттенком ботинки, сверкавшие лаком. Чистюля, франт и параноик! Зачем села в машину!?! Что говорить, что отвечать? Отец ничего на этот счёт не советовал.

– Сейчас не сталинские времена! – буркнула девушка и, проглотив слёзы, спросила: – Где находится этот стол?

– В Толочине. Если своё решение по поводу моего предложения измените, то я всё улажу! Так как? – ещё раз попробовал надавить на упрямицу начальник.

– Никак! – прошептала Татьяна и выскочила поскорее из машины.

Заселение

Скрипят простенки ветхого жилья –

Столетний век минул.

Здесь старый дуб уснул,

Здесь буду жить и я!

В небольшом холле деревянной школы, выкрашенной в ярко-голубой цвет, Таня дала волю слезам. На рёв молодого специалиста из учительской вышла директор. Увидев плачущую девушку, обеспокоенно спросила:

– Как прошла беседа с председателем?

– Ужа-а а-сно! – сквозь слёзы произнесла Татьяна Степановна, заикаясь.

– Опять этот старый ловелас приставал?

– Почему опять?

– Потому что три года не давал проходу Галине Михайловне – вашей предшественнице.

– А что с ней теперь?

– Замуж вышла и уехала, сбежала от такого вот... Сколько я её уговаривала остаться!

Толковый педагог! А вы не волнуйтесь, в обиду не дадим!

– Что-то я сомневаюсь...

– Достойную половинку найдём.

– Видали мы ваших женихов!

– Среди местных трактористов отыщем. У нас такие работающие ребята есть.

Молодой педагог рассмеялась и вытерла слёзы.

– Представьте – я только что потеряла возможность работать в районном центре! От меня уплыли прекрасные условия труда, проживание на квартире с удобствами, магазины, дом культуры, библиотека!

– Вот, молодец! – похвалила директор. – Слышу иронию в ваших словах. Но... согласитесь, приятно, когда мужчины падают к ногам?

– В общем-то... да. Но... пока вижу, что согнуть хотят.

Женщины развеселились. Насмеявшись вдоволь, директор предложила подопечной:

– Вытираем слёзы, улыбаемся и двигаемся вперёд по улице. Прогуляемся по селу, и я познакомлю вас с квартирной хозяйкой.

– Яниха? Наслышана уже, – ответила учительница.

– От кого?

– От вышестоящего начальства, – буркнула Татьяна Степановна.

– Ну, тем лучше, – ответила Антонина Филипповна и провела маленькую экскурсию по деревне. – Посмотрите – слева от школы через дорогу располагается небольшой магазинчик. Здание хоть старое и неказистое, но крепкое, надеюсь, ещё долго прослужит. Чуть дальше, на пустыре, стоит клуб и почта. Пройдёмте теперь вправо. Через дом от школы живёт Варвара Петровна, она согласилась предоставить квартиру учителю белорусского языка. На днях ждём прибытия. Кстати, можем зайти и посмотреть. Вдруг здесь вам больше понравится!? Приехавший первым имеет право выбора!

– Давайте заглянем, – ответила Татьяна Степановна и отправилась следом за директором, женщиной средних лет, коротко стриженной брюнеткой, владелицей тёмных глаз, цвет которых наша героиня никак не могла точно определить.

Антонина Филипповна ходила быстро, чуть ли не бежала, часто смеялась, много улыбалась. Темперамент директора затягивал спутницу в воронку её движений и эмоций, и Татьяне Степановне хотелось бесконечно любоваться обаятельной женщиной и маленькими, едва заметными конопушками, непрестанно двигающимися на оживленном лице владелицы.

Маленькая сухонькая старушка ждала гостей во дворе.

– Петровна, здравствуйте, – крикнула издалека директор. – А мы к вам! Хотим посмотреть условия проживания.

– Проходите, проходите, – пригласила хозяйка.

Гости смело направились к дому, стоявшему на возвышенности. Забора не было, калитки тоже, слева от просторного двора располагался небольшой огородик. Вдали красовались несколько яблонь, крупные наливные плоды которых, издали напоминавшие красные шары на ёлке, украшали деревья. Пройдя маленькое полуразрушенное крыльцо, требовавшее внимания мужских рук, прохладные сени, где стояли кадки с соленьями, женщины оказались внутри деревянного дома.

– Комната одна? – удивилась Синявская.

– Да, – ответила Антонина Филипповна.

– Живи у меня, девонька, – пригласила Варвара Петровна. – Я молодёжь люблю, а одной скучно, одинёшенько. Спать будешь на кровати – мои косточки на печке любят обитать. По хозяйству поможешь.

– Ну, как вам, Татьяна Степановна? – спросила директор.

– Планировка и интерьер напоминает избу моей бабушки Винодоры, но давайте посмотрим другой вариант, – ответила молодой специалист. Во дворе призналась: – Хотя от дома Варвары Петровны повеяло чем-то родным и знакомым, но я не готова проживать в одной комнате вместе с хозяйкой.

– Ничего страшного – у второй бабули две комнаты.

– Похоже, что Варвара Петровна – светлый человечек, приветливая и улыбчивая. И ямочки на щёчках очень симпатичные!

– Да, добрая! Галина Викторовна жила у неё три года. Жалоб не было. А вот Яниха – женщина горластая. Бой-баба, одним словом. Живёт в конце деревни. От школы далековато, зато напротив неё через дорогу обосновались наши коллеги – Иван Иосифович и Галина Семёновна. Помогут, если что, – тараторила директор, пока шла вместе с новой учительницей по улице. – Вот и ваша квартира! Изба тоже на взгорке разместилась. Староват домишко!

– Да, хиленький, – согласилась Татьяна.

– Кажется, что постройка немного покосилась на бочок, – заметила директор и прищурилась, приглядываясь и примеряясь к формам бабушкиной избышки. – Или мой глазомер ошибается?

– А ещё предложения есть? – уныло спросила потенциальная квартирантка.

– Других вариантов нет, – подытожила Антонина Филипповна, – зато двор красивый, спрятался в тени старых деревьев. Хозяйственные постройки, как и у Варвары Петровны, прижимают к дому. В нашей местности в старые времена так строили – скотине теплее, и ухаживать за ней в зимние холода удобнее. Заходите в дом, знакомьтесь с Янихой, – сказала директор и убежала.

У Янихи

Яниха встретила Таню громкими криками:

– Проходи! Заждалась уж! Обед остыл! Сижу, сижу на лавке, высматриваю – а тебя всё нету!

– Здравствуйте! – поздоровалась прибывшая и представилась, – Татьяна Степановна!

– Степановной звать буду, – ответила на приветствие бабушка. – Видела я – к Петровне заходили. Ну, так и иди к ней, если тебе там нравится!

– У вас решила остановиться.

– То, то! Смотри мне! Женщина я простая и решительная, правду люблю. Если что не по мне – сразу выселю! Сумку – сюда!

– Куда сюда? – уточнила квартирантка, не поспевавшая за ходом мыслей хозяйки.

– На лавку, говорю, ставь! А теперь молчи, стой и слушай! Жить будешь в зале, а я вот тут – на кушетке, – рассказывала Яниха, быстро проговаривая предложения, иногда выкрикивая по одному слову, самому важному для неё. – Не шуметь, не кричать!

– Не дышать, – прошептала Татьяна.

– Что ты там мямлишь!? Хлопцев чтоб не водила!

– Нет у меня никого.

– Знаю я вас! Вот к Галине Викторовне то Шурка Кашин бегал, то председатель сельского совета, чтоб ему! Тоже мне кавалер нашёлся – хрыч старый. То этот, говорят, муж директрисы, Колька-петух, тьфу, бесстыдство какое, за-а-аха-а-живал! – прокричала бабушка. – Видели люди пару раз!

– Конечно, никаких мужчин! Что вы! Как можно!? – завершила Татьяна.

– Сколько за харч платить будешь? – спросила бабуля и хитро прищурилась одним глазом.

– Столько, сколько скажете.

– Галя давала двадцать в месяц – Петровна голодом, небось, девку морила. Хочу двадцать пять. Я тебя картошечкой, грибочками откормлю. Тощая больно. Что молчишь!? Отвечай громко и внятно!

– Хорошо, согласна! – крикнула учительница.

– Не ори, не глухая я, – одёрнула бабушка квартирантку и, наслаждаясь властью, хитро ухмыльнулась. – Располагайся в зале, а через пять минут приходи на кухню – обедать будем.

Девушка прошла в гостиную. Всё ей там понравилось: светлая просторная комната, две кровати с пышными подушками, радио и, что самое главное, стол письменный со стулом. Не успела Татьяна Степановна присесть на край кровати и вытянуть ноги, чтобы чуть-чуть отдохнуть, как из соседней комнаты раздался крик:

– Нет, вы посмотрите!

– Что случилось? – выглянула Татьяна Степановна из двери своей комнаты.

– Иди отсюда, кому сказала!? – шумела хозяйка, проигнорировав вопрос квартирантки.

– Никого из мужчин привечать не буду!

– Бабушка, я спросить пришёл, может, Татьяне Степановне помочь чего надо? – послышался из веранды голос Шурика.

– Сами справимся. Помогальщик нашёлся! Уходи, уходи! – гнала вошедшего бабка, грозно покрикивая и сердито размахивая фартуком. – Ишь, – обратилась Яниха к Татьяне, – не успела Галка уехать, как он уже у нас, тут как тут, на пороге. Ты его звала?

– Не-е-ет!

– И не надоть он тебе! Юнец ещё! Пацан! А всё туды ж! За учительками горазд ухаживать, – бурчала бабуля, затем поставила руки на бока и, посмотрев в окно вслед удалявшейся фигуре

молодца, проговорила примирительным тоном, – Шурик парень хороший, статный, красивый!
А кудри-и-и! Эх, где мои молодые годы!?

Я и директор, и завуч, и мамка ваша строгая

– Школа наша хоть и старенькая, но ещё держится и деткам прослужит долго, – сказала на следующий день Антонина Филипповна, проводя для двух прибывших учительниц экскурсию по чистенькому, выкрашенному в бело-зелёные цвета деревянному зданию. – Классных комнат у нас четыре, не считая лабораторную. Одна проходная – в ней, как видите, сцена, и здесь мы проводим торжественные мероприятия. Старшая школа учится в первую смену, начальная – во вторую.

– А где кабинет директора? – спросила Синявская.

– Учительскую вы уже видели?

– Да, – кивнули девушки.

– Там и моё место – во главе стола, – ответила Антонина Филипповна, но, увидев вытянувшиеся лица молодых специалистов, добавила, – кого-то, возможно, такое размещение не устраивает – зато получается тесное сотрудничество руководства с коллективом.

– А заведующая учебной частью? – поинтересовалась белорусовед Елена Васильевна, прибывшая вчера вечером в Колосово.

– Я и директор, и завуч, и мамка ваша строгая – в одном лице. Запомните это! А сейчас друженькой гурьбой проходим в учительскую, – игривым тоном скомандовала директор. – Нам предстоит самая весёлая часть беседы – распределение нагрузки. Татьяна Степановна, вот ваше расписание: тридцать два часа русского языка, плюс – вечерники, плюс – заочники.

– Ого! – только и сумела произнести девушка.

– Что касается Елены Васильевны, – продолжила Антонина Филипповна, – двадцать восемь часов белорусского – и, девушки мои дорогие, у нас остался самый главный вопрос о том, кто возьмёт немецкий?

– Немецкий? – переглянулись учительницы.

– Давайте доверим эти уроки Елене Васильевне, – вздохнула Синявская и упёрла взгляд в свежее выкрашенную коричневую столешницу.

– Татьяна Степановна, вы изменились в лице. Хорошо себя чувствуете?

– Нормально, просто... у меня с иностранным не очень.

– Насколько не...?

– На четвёрку... нетвёрдую.

– День, число на немецком языке произнести сможете?

– Да.

– Сосчитать до десяти?

– Ну, это, конечно, без вопросов.

– Здравствуйте, садитесь, встаньте?

– Антонина Филипповна! У меня всё же образование...

– Вот и ладно! Вот и достаточно. А остальное... потихоньку, помаленьку вместе с детьми выучите.

– С немецким у меня вечные неприятности, – продолжала сопротивляться Татьяна Степановна. – Елена Васильевна, умоляю – возьмите часы иностранного!

– Что вы! Что вы! – замахала руками белорусовед и покраснела. – Я тоже не в ладах с гэтай мовай. Давайте поделим нагрузку хотя бы наполовину.

– Девушки! Стоп, стоп! Ведёте себя неподобающе, – возмутилась директор и конопушки на лице руководителя двинулись к бровям. – Вот моё решение, – твёрдым голосом произнесла Антонина Филипповна, – делить ничего не будем! Одна берёт пионерию, другая – немецкий. Решайте на счёт три. Раз, два...

– Хочу быть вожатой! – крикнула Синявская так, что сидящая рядом Елена Васильевна прикрыла руками уши, а директор недовольно поморщилась.

– Тогда вам, Елена Васильевна, иностранный, – вынесла решение Антонина Филипповна.

– Э-э... ну... хорошо, – неохотно согласилась белорусовед, лицо которой к тому времени налилось бурачковым цветом. – Растерзают мою душеньку детки на этих занятиях, но как с больной ногой бегать с пионерами?

– Вот и прекрасно! Наконец с этими «э» и «ну» покончено, – рассмеялась Антонина Филипповна и посмотрела на туфли Елены Васильевны.

Заглянула под стол и Татьяна Степановна. Елена Васильевна хромала при ходьбе. Физическая нагрузка девушке, действительно, была противопоказана. Синявская внимательно прищурившись к молодой коллеге. Елена Васильевна росточком не вышла: на глаз – метр пятьдесят четыре, не больше. С лица не сказать, что красавица, но имя прекрасной Елены почему-то ей подходило. От девушки исходила душевная теплота, а голос звенел колокольчиком так, что Татьяна Степановна полюбила её сразу и другие недостатки перестала искать. А глаза были такого ярко-василькового цвета, что ей прекрасно подходило не только имя, но и отчество. Да и фамилия у Елены Васильевны была не какая-нибудь, а Смеян.

До поступления в Гомельский университет храбрая маленькая девушка работала дояркой, а вот Татьяна коров боялась, доила с неохотой и к концу процесса никогда не была уверена, что справилась с задачей хотя бы на «хорошо»: жалко было тянуть тёплые мягкие соски бурёнки. Девушке казалось, что корове больно. Твёрдой и уверенной руки во время дойки (как требовала мама) так и не удалось добиться.

– Раз Елена Васильевна взяла на себя самые трудные уроки, то вам, Татьяна Степановна, придётся в довесок курировать библиотеку, – продолжила распределять нагрузку директор.

– И библио... – не договорила Синявская и от удивления умолкла. На последней букве «о» округлились не только её губы, но и глаза, и даже брови попытались образовать два кольца, но вместо них получились вопросительные знаки.

– Да, да, да! – рассмеялась Антонина Филипповна. – Стеллажи с книгами стоят в последнем классе.

– Я и столяр, я и пекарь, я и музыкант! – весело запела Синявская.

– Надо будет – и танцором станете, – подхватила мысль руководитель и добавила: – Такова участь педагога в сельской местности. На этом наше маленькое совещание заканчиваем! Все свободны и... поздравляю.

– С чем? – удивились молодые специалисты. – Нагрузили нас – впору идти плакать.

Глаза-пуговицы Антонины Филипповны сверкнули, а конопутки, расположенные горкой на верхней части носа, заплясали. Она хохотнула и убежала домой кормить детей. Удаляясь из кабинета мелкими быстрыми шажками, на бегу крикнула:

– С сегодняшнего дня на два педагога на земном шаре стало больше!

Во вторник

Во вторник Татьяна прибыла в Толочин. В кабинете за столом сидели начальник паспортного стола, председатель сельского совета и паспортистка.

– Ну-ус! Что тут у нас? – спросил начальник и взял в руки удостоверение личности посетительницы.

– Девушка нарушила положение о прописке, – доложила паспортистка – полная пожилая женщина.

Начальник – мужчина средних лет с мелкой проседью в волосах, благородное серебро которых придавало внешнему облику хозяина кабинета респектабельность, полистав несколько минут в руках книжечку в тёмно-зелёной обложке, произнёс: – Да, действительно, беспорядок!

– Беспорядок, – согласились коллеги и дружно закивали головами.

– Как же так получилось? – обратился начальник к нарушительнице, которая от стыда опустила глаза в пол. – Расскажите нам, как вас там зовут, величают?

– Девушка, к вам обращаются! Ответьте на вопрос, – поддержала руководителя паспортистка, а седой мужчина заглянул на первую страничку зелёной книжечки и продолжил: – Синявская Татьяна Степановна?

– Да, – промямлила посетительница.

После столь откровенного признания в кабинете наступила тягостная тишина. Три солидных человека смотрели в упор на безответственную особу и терпеливо ждали объяснений, а она, уперев взгляд в пол, привалилась к стенке кабинета, словно поверженный у позорного столба, и не могла разомкнуть губы: к горлу подкатила некая обида.

Тройка вершителей судеб молчание девушки восприняла как вызов. Начальник, настроенный вначале беседы благосклонно, возмущённо дёрнул плечами, и, осмотрев фигуру посетительницы с головы до ног, презрительно произнёс:

– Стоите тут молодая, красивая, здоровая! Трудно в паспортный стол наведаться?

– Вовсе нет, – выдавила Синявская.

– Говорите внятно! Что преподаёте?

– Русский язык и литературу.

– Тем более стыдно. Вот сейчас влечём штраф или... ещё строже поступим – в суд обратимся.

– Да, да, имеем право, – подтвердили остальные присутствовавшие в кабинете и направили угрожающие взгляды на Синявскую.

– В суд? Зачем суд!? – ахнула Татьяна.

Она подняла голову вверх, посмотрела преданными глазами на вершителей её судьбы и начала тараторить:

– Простите, виновата! Виновата безмерно. По незнанию, по неопытности. Больше не повторится. Всё исправлю, всё сделаю как надо, только подскажите!

– Гм, – хмыкнул начальник паспортного стола. – Оказывается, и говорить, и обещать умеет.

– Любые ваши требования выполню незамедлительно.

– Раньше надо было демонстрировать расторопность! Слова какие подобрала – безмерно, незамедлительно! Коллеги – Василий Константинович, Мария Семёновна! Простим?

– Нельзя нарушать закон! – холодно ответил председатель сельского совета.

– Посмотрите – девочка раскаивается. Давайте посочувствуем! – предложила паспортистка – сердобольная женщина, но Василий Константинович продолжил диалог на повышенных тонах: – Я повторяю – эта девушка не имеет права проживать на территории нашего сель-

ского совета! Татьяна Степановна жалобно расквакалась, словно лягушка, попавшая в кувшин со сметаной: «Спасите, помогите!» А вы и растаяли, как масло на солнышке!

– Что предлагаете? – спросила Мария Семёновна.

– Пусть отправляется туда, откуда прибыла!

– Зачем поступать столь радикально и лишать девочку возможности отработать три года по распределению!

– Это не наши заботы! – сорвался Василий Константинович в голосе на высокие ноты.

Танька, наблюдавшая перепалку важных людей, к концу их дискуссии сообразила, что совсем, совсем плохо обстоят её дела.

– Коменданту общежития отдавала паспорт на прописку! Но, она почему-то... Я не... понимаю, как так могло... Видимо, ошибочно пропустила... Не удосужилась посмотреть, пролистнуть страницу... Простите, ещё раз прошу. Не отсылайте, пожалуйста, домой! Отец... – продолжила попытку оправдаться Синявская.

– Комендант комендантом, но своя голова должна быть на плечах! – сделал справедливое замечание начальник паспортного стола. – Откуда родом?

– Из Дрогичинского района, деревня Селин – прекрасный край, Днепровско-Бугский канал, партизанские места, – глаза Татьяны оживились при рассказе о малой родине.

– Вот, пусть там в этих распрекрасных местах и улаживает свои дела! – подхватил Василий Константинович. – А нам здесь столь безответственные не нужны!

– Отправляем на родину! – согласился начальник. – Решено!

– Целиком поддерживаю, – торжествуя поддакнул Василий Константинович и устоялся на Синявскую кусачим взглядом.

Слёзы унижения самопроизвольно потекли по лицу Татьяны Степановны кривыми ручьями, и она плотно-плотно сомкнула веки, в результате чёрная тушь художественными замысловатыми узорами размазалась по щекам, накрашенные ресницы отпечатались на веках и под глазами. Татьяна каждой клеточкой своего тела ощутила низшую степень собственного падения. Василий Константинович злорадствовал, и лишь у паспортистки – доброй и отзывчивой женщины преклонного возраста, безобразное зрелище вызвало жалость:

– Дорогуша, успокойся и слёзы утри. Эх, тебя развезло! Не лицо красавицы перед нами, а закисший и расплывшийся по тарелке бесформенной массой ягодный кисель. Мужчины попугать хотят. Воспитательный момент, так сказать... Товарищи, – обратилась она миролюбиво к коллегам, – что же вы на девушку набросились!?

– Заслужила, – не унимался Василий Константинович.

– Давайте решать вопрос конструктивно. Молодой специалист! Из тёплых краёв к нам прибыла, а мы... к ней...

Сердитый начальник паспортного стола вынул свою представительную фигуру из кресла и, подойдя к какому-то графику на стене, миролюбиво произнёс:

– Что там нам говорил военком?

– Нужна единица на сборы, – ответила паспортистка.

– Предлагаю поступить таким образом: девушку прописываем и отправляем по осеннему призыву в армию, тем более что Татьяна Степановна выражала желание выполнить наше любое решение.

– Как, в армию!? – ахнула Синявская, и горькие слёзы на лице моментально высохли.

– Всего на месяц, – уточнил начальник паспортного стола. – Военнообязанная?

– Д-да...

– Хорошая идея! – согласился председатель сельского совета. – Армия научит нашу строптивую порядку и дисциплине!

– Ну, что ж? Решено! – согласился начальник. – Так и поступим. Мария Семёновна, оформляйте прописку молодого специалиста, а вы, девушка, ждите повестку.

Синявская, оказавшись в коридоре, повернулась лицом к захлопнувшейся перед ней дверью, воскликнула:

– И вовсе я не ваша, Василий Константинович!

Следом за молодым педагогом из кабинета вышла Мария Семёновна. Услышав недовольную реплику Татьяны Степановны, женщина улыбнулась и спросила:

– Председатель сельского совета достаёт?

– Угу! Ведёт себя некорректно.

– Старый холостяк! Что, служить не хочется?

– Выполнять чьи-то приказы!?

– Гордыню тебе оседлать надо.

– Чтобы какой-то там мужчина, офицер или старшина, командовал мною!? Говорил мне, что делать, как жить, как есть, как спать!?

– А я б сейчас пошла в армию. Ни тебе забот, ни тебе хлопот! Не надо думать ни о пропитании, ни о проблемах дома и на работе.

– Возможно, вы устали от обыденности.

– Ать – налево, два – направо! Красота! – продолжала рассуждать с улыбкой на лице Мария Семёновна.

– Испытываю чувство унижения при одной мысли о подчинении.

– Тогда, замуж! – посоветовала сердобольная женщина, водружая своё громоздкое колышущееся тело в большое кресло. – Хотя... в браке тоже нужно уметь уступать.

– Ни армейские сборы, ни замужество в мои планы на ближайшее будущее не входили. Учителем стать, пока кладовые памяти хранят институтские знания, – вот основная задача для начинающего педагога на сегодня. Своё что-то хочу привнести в эту жизнь, да и свободой не успела надышаться.

– С мужем сможешь уехать в другие края.

– И тогда не призовут?

– Не должны. А ещё лучше, отправляйся в Колосово да расскажи о сложившейся ситуации директору – она поможет.

Спасибо Марии Семёновне за дельный совет и участие! Список отзывчивых людей, повстречавшихся Танюше в последние дни, расширился. Есть, есть хорошие люди на толочинской земле: Шурик, Дмитрий Леонидович, паспортистка и... Антонина Филипповна, которая разрешила проблему молодого специалиста благодаря напористому характеру, авторитету и депутатскому мандату! Приехав из районного центра, директор потрепала кудри девушки своей тёплой рукой и, рассмеявшись, сказала:

– Трудитесь усердно на ниве знаний и добра, наша молодая солдаточка в запасе, а мы ждём от вас педагогических свершений!

Школьная жизнь

Закончилась Танькина весёлая жизнь! Она теперь ответственна перед Дмитрием Леонидовичем, Антониной Филипповной, родителями и, не забывайте, государством. Ко всему прочему, есть ещё один человек, перед которым она тоже мысленно отчитывается – это бывшая классная – Раиса Адамовна. Сумеет ли, сможет ли оправдать Синявская доверие дорогих ей людей?

Наступило первое сентября. Будни школьной жизни завертелись, закружились в водовороте событий. Жизнь пошла своим чередом: пять уроков в первую смену, один или два во вторую, первая линейка в качестве пионерской вожатой, библиотека. Ни вздохнуть, ни продохнуть, ни расслабиться!

Пионеры, большей частью малыши, липли к учительнице. Детям нравилось показывать молодому симпатичному педагогу окрестности. На каждой новой пешеходной прогулке школьники придумывали иной маршрут. Татьяна Степановна впервые в жизни увидела огромное количество грибов и поняла устойчивое выражение «хоть косою коси». К концу дня Синявская с трудом ноги переставляла, а неугомонные детишки, облепив учительницу со всех сторон, совали свои пакеты с грибами Татьяне Степановне и умоляли:

– Не уходите!

– Ребята, простите, но мне ещё тетради проверять и планы писать, – оправдывалась вожатая. – А грибы несите к себе домой, бабушка и так уже целую бочку насолила.

– У-у-у! – Недовольно гудели ученики.

– Дети! Не надоело бродить по окрестностям?

– Не-е-ет!

– Здесь каждый кустик вам знаком.

– Ну и что! С вами даже унылые пейзажи расцветают.

– Вот об этом завтра напишете в мини-сочинении! – родилась светлая мысль в голове педагога. – А раз я поняла степень важности подобных мероприятий, то предлагаю наметить поход на станцию Тротилово.

– Замечательная идея, – поддержала ученица восьмого класса Люда Боганова – отличница, комсомолка, красавица.

Железнодорожный остановочный пункт, находившийся от школы в полутора километрах, ничем примечательным не отличался. Всё как везде: небольшое здание, три скамейки, касса. Зато ученики старших классов по дороге туда и обратно рассказали Татьяне Степановне, что их деревня именовалась раньше Холопковичи, но в шестидесятых годах заменили на благозвучное – Колосово. Новое название недавно прибывшей учительнице нравилось. Колос, колосок – маленькое составляющее большого. Зерно, хлеб – основной продукт питания в Белоруссии. Учителю русского языка нравилось, что в слове четыре округлые по звучанию буквы «-о-о-о-о». Ей казалось, что так звучит эхо просторных колхозных полей. Местный эрудит Люда Боганова также поведала, что свой трудовой путь Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев начинал на толочинской земле. После окончания Курского землеустроительно-мелиоративного техникума работал землемером в тогдашнем Кохановском районе, ныне Толочинском. В Красном посёлке и деревне Переволочна жил на постое у родственников драматурга Алеся Петрашевича. Двадцатиоднолетний землемер Лёня обожал белорусские драники.

Сплетни

Сплетни! А как без них в деревне? Они оживляют однообразную жизнь в селе. Танька сама любила поболтать – личность человека с его достоинствами и пороками вызывала у девушки чрезвычайный интерес. Поэтому сообщение коллег о том, что её хозяйка рассказывает подробности существования квартирантки, не вызвал в душе нашей героини тревогу. Пусть потешит Яниха своё самолюбие, ведь бабушка теперь стала важной особой!

Как-то раз во время перемены директор сообщила: – Ваша хозяйка по деревне сплетни разносит. Говорит, что ленивица её квартирантка: после обеда на кровати валяется.

– Ночью не высыпаюсь, ответила Татьяна Степановна. – Почему? – Грызуны с ума сводят. – Как это? – Бабушка много раз клеила новые обои, не сдирая при этом старые. Говорит, чтоб теплее было. Мыши гуляют за образовавшимся самодельным картоном, как себе хотят. Бегают, топают, пищат и грызут всё, что им вздумается, не обращая никакого внимания на мои постукивания. Визжат так, что создаётся впечатление, что поедают, ко всему прочему, друг друга. Когда на поле боя вторгается крыса, тогда из застенок раздаются душераздирающие вопли. Мне в такие моменты чудится, что грызуны терзают своими острыми зубищами крохотного младенца.

– Кошмар! – выразили сочувствие коллеги.

– Вот так вот и живу, – подытожила разговор Татьяна и усмехнулась, оставшись довольна своим рассказом, нагнавшим ужас на учителей. – Если ночью всё же удаётся прикорнуть, то снятся сюжеты для книг, страшнее гоголевского «Вия».

– А в полдень что? – поинтересовалась Галина Семёновна – учитель физики.

– Днём у грызунов перемирие. Почему – досконально мне неизвестно?!

Через неделю Антонина Филипповна опять сообщает:

– Яниха жалуется, что поздно ложитесь спать и расходуете много электричества.

– Верно – тетради проверяю... да и планы потом пишу. Тридцать два часа, плюс – вечерники и заочники – большая нагрузка для молодого специалиста. Методической литературы в библиотеке недостаточно – приходится самой творить.

– Не надо так усердствовать!

– Интересно! – воскликнула подчинённая. – И от кого я это слышу!?! От директора!

– Вы юна и красива! Надо устраивать свою личную жизнь. В субботу в клубе танцы – рекомендую посетить наш маленький культурный центр и отвлечься от трудов праведных.

– Одной неловко.

– Не переживайте, познакомим с местными девушками.

А ещё через неделю Антонина Филипповна заявила:

– Татьяна Степановна! Мы нашли вам другую квартиру.

– Зачем? – удивилась учительница.

– Вчера Яниха в магазине опять выступала. Кричала, что её квартирантка трусики стирает каждый день и на заборе развешивает – всю воду из колодца вычерпала.

– Трусики из нейлона – литра два расходует на процесс, не более и сохнут быстро. Ей что, забора жалко!?

– Жалко, не жалко – это уже не важно.

– Бабушка ведёт себя странно от одиночества. Сын позабыл, не навещает. Такими скандальными заявлениями желает привлечь к себе внимание. Очень артистичная особа, ей бы в клуб да на сцену!

Сказала, неважно! – заявила директор и со всей силы бросила на стол стопку из классных журналов, которые она собралась проверять. Под громкий хлопок, заставивший Татьяну Степановну и всех присутствовавших коллег понять степень серьёзности разговора, продолжила свою мысль: – На этот раз Яниха перешла все границы! Но вы не волнуйтесь – мы договорились с семьёй Борисевичей. У Светланы – вашей новой хозяйки – двое детей, ждёт третьего. Женщина она молодая и вы, надеюсь, подружитесь. Вещи мы уже перевезли.

– Неожиданно, я с бабушкой не попрощалась.

– Не надо туда ходить! Яниха заявила старшеклассникам, которые за вещами отправились, что вы ей этажерку сломали. Мол, рухнула под тяжестью книг.

– Утром полки сверкали чистотой (сама пыль перед уходом на работу протирала) и были при этом целёхоньки-прецелёхоньки!

– И дети говорят, что этажерка в порядке. А она голосила на всю деревню: «Люди добрые! Вредительство! Пусть деньги за мебель заплатит!». Разошлась бабуля!

Татьяне Степановне хотелось расплакаться, но школа всё же не то место, где можно дать волю слезам. Антонина Филипповна продолжила разговор с подопечными:

– Елена Васильевна! Как у вас складываются отношения с Варварой Петровной?

– Нормально. Бабуля, женщина весёлая, с юмором, – ответила белорусовед и спряталась за возвышающимися над столом внушительной горкой стопками тетрадей, дабы присутствующие в учительской коллеги не узрели, как щёки застенчивой девушки, не любившей привлекать к себе внимание, зарделись таким же скромным, как и она сама, румянцем.

– Вот и замечательно.

– Выходит, ошиблась я с выбором квартирной хозяйки!? – улыбнулась Татьяна Степановна.

– Да, – резюмировала директор. – Но это и наш недосмотр. У бабушки, вероятно, старческое...

– Не знаю насчёт возрастного заболевания, но самоуверенности и апломба у моей бывшей хозяйки хоть отбавляй. Если говорить русской поговоркой, то она считает, что ей из её погребка видней.

– Забудьте! Не переживайте! Подобные мелкие неприятности не должны влиять на качество ваших уроков.

– Ничего себе незначительные!

– Поверьте взрослым – гэта дробязі жыцця. Так, Елена Васильевна? Белорусовед вы наш! Правильно я выразилась на родной мове? – рассмеялась Антонина Филипповна и, резко сменив тему, спросила: – Татьяна Степановна! У вас молодой человек есть?

– Нет, – ответила учительница.

– Не расстраивайтесь! Такой красивой девушке мы быстро подберём мужа – здорового крепкого тракториста. А у Елены Васильевны как обстоят дела на личном фронте?

– У меня? – удивилась белорусовед, робко высунув высокий лоб, глаза и часть длинного носа из-под тетрадей.

– Да, у вас?

– Это секрет!

– В таком случае и Елене Васильевне найдём хорошего местного парня, – заявила директор, затем заговорщицки подмигнула девушкам и принялась смеяться. Поддержали веселье и другие учителя, находившиеся в этот момент в учительской: математичка Таиса Михайловна,

учитель физкультуры Леонид Александрович, физик – Галина Семёновна и её супруг, химик, Иван Иосифович.

Кавалер Виктор Ловдзик

У Светланы Татьяне понравилось: отдельная комната в новом кирпичном доме, телевизор в зале и более разнообразные блюда на завтраки, обеды и ужины. К тому времени сельский совет квартирным хозяевам платил уже пять рублей в месяц. Цена за питание осталась прежняя. Единственное неудобство – посёлок Мирный находился в четырёхстах метрах от школы. Вставать по утрам из-за этого приходилось на полчаса раньше. А вскоре сбылось желание директора: в комнате Татьяны Степановны нарисовался кавалер колосовского разлива – водитель колхозного грузовика Виктор Ловдзик ввалился в дом без приглашения и, не поздоровавшись, сел на табуретку у порога. На расспросы Татьяны Степановны отвечал неохотно.

– Молодой человек! Добрый вечер! – поприветствовала незваного гостя Синявская.

– Ага! – услышала в ответ девушка.

– Как вас зовут?

– Витя.

– Виктор?

– Витёк я.

– Понятно! Какова цель вашего визита, позвольте поинтересоваться?

– Гм...

– Будьте добры, напрягитесь и постарайтесь сформулировать...

– Зашёл вот!

– Вижу – ворвались без стука.

После некоторого молчания и усердного сопения, с силой вырывавшегося из носовых пазух гостя, Витёк ответил:

– У соседей был... а они сказали... что вы тут одна кукуете. Проведать посоветовали.

Татьяна рассмеялась:

– Проведали?

– Угу!

– Вот и до свидания.

– А-а, это...

– Что? Это? Покуковать вместе забыли?

– Ну, да...

– Уж простите! Не знала, что зайдёте. Не подготовилась к совместным трелям, поэтому прощайте, прощайте, молодой человек, до свидания, – тараторила Татьяна и, совершая мелкие наступательные шаги, незаметно постаралась выдавить незваного гостя из помещения.

Прошло две недели, полные трудов и забот. Содержательная беседа с незадачливым кавалером начала стираться в памяти Татьяны Степановны, но Витёк вскоре опять напомнил о себе, и история стала вновь повторяться: приход кавалера, сидение на стуле в углу за вешалкой, вздыхание и усердное ковыряние правой рукой несуществующей занозы на пальце левой. Молчанка Ловдзика во время участвовавших визитов Синявской порядком надоела, и она решилась на откровенный разговор:

– Виктор! Не обижайтесь, но хочу обратиться к вам с просьбой. Не приходите сюда больше.

– Почему?

– Мой плотный рабочий график и большая общественная нагрузка в школе не позволяют уделять вам достаточно внимания.

– Так я же... это...

– Что это?

– Не просто... так... захаживаю.

– А как?

– С серьёзными намерениями.

– Надо же! И что же?

– Замуж... вам... предлагаю, – вздохнул кавалер, с трудом выдавив три важных слова из глубин горловой чакры (Витёк постоянно поджимал губы, словно боялся, что некрасивые зубы выпадут ненароком изо рта и позорной россыпью повалятся ниц пред очи собеседницы).

– Какой замуж!?

– Супружество, значит, – пояснил Ловдзик, опустив голову вниз к полу.

– Не пойму, – оторопела Татьяна, – настолько вяло предложение делаете, словно вас кто-то заставляет.

– Мама сказала: «Женись на учительнице! Хорошая партия!» И родственники одобрили.

– Ах, мама!

– Я тоже не против.

– Боюсь, мой молодой человек будет возражать.

– Нет у вас никого! – с торжеством в голосе ответил Виктор и осмелился поднять глаза на собеседницу.

– Откуда такие сведения?

– Директор сказала.

– Так вот это чьи происки? К счастью, Антонина Филипповна ошиблась.

– А что ж никто не приезжает!?! – продолжал атаку молодой человек.

– Не ваше дело.

– Я целый месяц следил!

– Сле-еди-ил! За мной? Как интересно!?! И что же ты обнаружил? – спросила Татьяна, перейдя на «ты».

– Лёня, Светы Борисевич брат, пробовал женихаться, но вы его отшили.

– Так! А ещё...

– Вовка Овсевич, отпрыск Галины Семёновны и Ивана Иосифовича, пару раз провожал.

Не советую в ту сторону смотреть.

– Почему?

– Своему ненаглядному сыночку Иван Иосифович на неделе два-три раза в студенческое общежитие горяченькую еду электричкой возит. А вы на это не спосо-о-обны! – съязвил ухажёр.

– Как знать...

– Не, не будете Вовку холить и лелеять! А мамка мне говорит: «Женись на Татьяне Степановне – не пьёт, не курит, не то, что предыдущая учителька. Жалеть её будем».

– Замуж я не спешу.

– Замуж она не хочет! Кто тебе поверит? – резко изменил тон Ловдзик, тоже перейдя на «ты». – Я – парень серьёзный, в армии отслужил, пью только по праздникам.

– Прямо говорю: «Нет!»

– Да я бы хоть сейчас от ворот поворот изобразил, если бы не мама! Она говорит: «Учителька деток умных родит».

– Ах, вот как!

– Да, так! – ответил кавалер, с которого несколько минут назад неизвестно куда свалилась робость и застенчивость. – Что ты ломаешься!?! – устыдил Витёк девушку и колышущейся дерзкой походкой направился в её сторону.

– Сидеть, стоять! – Синявская вытянула руку вперёд, пытаясь остановить надвигающуюся угрозу.

– Недотрогу из себя строишь!

– Поблагодари родственников за хорошее мнение обо мне, а сейчас, пожалуйста, отправляйся домой восвояси.

– Гонишь, значит? – прорычал Витёк и уцепился лапищами, пахнущими бензином и мазутом, в белую капроновую блузку Татьяны.

– Осторожно, порвёшь! – вскрикнула девушка и услышала, как мамин подарок и семейная реликвия, которую Александра Поликарповна достала из сундука и с трепетом вручила дочери, когда та после первого курса педагогического института отправлялась работать пионерской вожатой в загородный лагерь «Дружба», блузка, которую Татьяна берегла и одевала лишь в праздничные дни, от грубых движений кавалера с треском порвалась на спине.

– Нос она воротит!

– Прекрати!

– Местные кавалеры тебя не устраивают! – напирал Витёк.

– Закричу!

– Ори, не ори – хозяев дома нет, – возликовал отвергнутый кандидат в женихи и, не церемонясь больше с недотрогой, ухватился двумя руками за воротник маминого подарка, стараясь притянуть голову девушки к себе. Узрев возле своих глаз вытянутые для поцелуя тонкие губы, напоминавшие нестройную букву «о», которую писал ученик, имевший двойку по предмету чистописание, увидев искривлённый рот разгневанного Витька, покрывшийся белой дурно пахнущей пеной, Татьяна ощутила постыдные позывы на рвоту и автоматически рванулась в сторону таза, стоявшего у печи и прекрасные кружева, что тётя Оля привезла из Магадана, издали громкий звук и оторвались от воротника.

Кавалер со злостью отбросил собранное в гармошку украшение, и, толкнув фигурку Татьяны к двери, постарался припечатать девушку к косяку, чтобы повторить попытку с поцелуем. Произошёл казус: губы парня промазали, так как девушка, продолжая сопротивляться, непонятно почему не оказала должного уважения благим намерениям ухажёра и отклонила голову влево. Витёк от такой наглости оторопел, но, решив, видимо, что это игра, рассмеялся и сделал попытку приласкать непокорную, потискав за выпуклости её фигуры. Физическая и моральная боль помогли бывшей спортсменке собрать всю энергию гнева и возмущения воедино. Правой рукой Татьяна толкнула насильника в грудь со звуком, который обычно издавала при посыле ввысь любимого спортивного снаряда под названием ядро. От удара долговязая фигура Витька пошатнулась, согнулась и преобразовалась в удивлённый вопросительный знак. На поверку «герой» оказался тощим и хлипким.

– Это тебе приветствие от бывшей метательницы! – прошипела Татьяна.

– Ну и силёнка!

– Проваливай! Ещё раз заявишься – настоящим ядром, что лежит у меня под кроватью, запущу!

Посчитав, что разговор окончен, Татьяна направилась к столу, обернувшись через мгновение, увидела Ловдзика, который хватал книги с настенной полки и совал их за пазуху.

– Это компенсация за мои страдания, – пояснил парень и дал дёру.

Татьяна выбежала на крыльцо, где её встретила тишина распахнутой темной ночи, ставшей невольной сообщницей вора. Пустота чёрной дыры была настолько густой, что даже эхо не отозвалось на её крик.

Не дождавшись возврата литературы, недели через две Татьяна Степановна заявила хозяйке:

– Ловдзик забрал самые красивые и дорогие книги с иллюстрациями на глянцевой бумаге – рассказы Михаила Пришвина и сказки Александра Сергеевича Пушкина. Скоро серия уроков в пятом классе по изучению творчества этих писателей. Дополнительный методический материал в школьной библиотеке отсутствует. Мелкая душонка, знал, как больнее ударить! Злодей!

– Злодей! – согласилась Светлана и, оторвавшись от процесса вязания, кивнула в знак согласия головой.

– Сидел вот тут в углу на стульчике и молчал, придумывал, составлял план отмщения. У-у!

– Можно пойти и забрать.

– Видеть пучеглазого не хочу! На сказки Пушкина его потянуло! Книги эти купила со своей первой зарплаты.

– Хочешь – мужа отправлю? – предложила хозяйка и решительным движением воткнула спицы в клубок.

– Нет, не надо! Люди, если узнают, по деревне болтать станут.

– Ну и зря!

– Пусть Витёк потихоньку осваивает классику, заодно и к чтению приохотится.

– Размечталась, – хмыкнула Светлана. – Пропил твою классику давно.

– Он утверждал, что равнодушен к алкоголю.

– Ну, значит, продал дефицитные литературные издания.

– Ничего себе! – удивилась Татьяна Степановна, интеллигентной душе которой подобный вариант развития событий никак не мог предвидеться. – К счастью, не все парни подонки. Вовка Овсевич не такой!

– У тебя с ним что-то было? Расскажи, – попросила хозяйка, обожавшая любовные истории.

Володя Овсиевич

*Скоро рассвет,
Но решения для нас нет.*

Зря Светлана взбудоражила своё воображение – ничего у Синявской с Вовкой не было. Просто молодые люди вместе возвращались после окончания танцевальной программы из клуба – вотчина родителей молодого человека, Галины Семёновны и Ивана Иосифовича, находилась напротив дома Янихи. Голубоглазый блондин среднего роста, обладатель высокого лба и ранних залысин выглядел старше своих лет, но подкупала его воспитанность и обходительность.

Говорили о Минске, о студенческой жизни, об учёбе. Когда подошли к дому бабушки, Володя произнёс:

– Посидим под дубом?

– Поохаем!? – рассмеялась Татьяна.

– Расставаться не хочется – ночь уж больно хороша!

– Только недолго, – согласилась Синявская, – мне ещё тетради проверять.

– Тишина успокаивает – хочется любоваться окружающим пейзажем, чувствовать тепло руки красивой девушки и ни о чём не думать.

– Ша! Говорите тише, – прошептала Татьяна, приложив палец к губам. – Нас могут услышать.

– Доверьтесь мне и этой ночи – мы умеем хранить тайны. Расслабьтесь и слейтесь с безмолвным покоем.

– Природа, и правда, словно вошла с нами в сговор. Деревья не шумят, травы не шуршат – всё замерло, – согласилась собеседница. Такую тишину называют звенящей.

– Я люблю старый дуб Янихи. Жаль, что он засох. Под его сенью прошло моё счастливое детство. Здесь мы со сверстниками играли в прятки, догонялки, войнушку. Орали так, что бабушка с кием выбегала детвору успокаивать. Однажды, удирая от грозной Янихи, я зазевался и врезался велосипедом в ствол. Тут даже вмятина должна остаться – вот она! Здесь моё первое свидание состоялось.

– У вас есть девушка?

– Будет.

– А как же свидание?

– Так вот же оно!

– Хороший вы парень, Володя, – засмеялась Татьяна. – Жаль, что молодой!

– Стоп, стоп, стоп, – прошептал Володенька и поднёс к своим губам пальчик девушки.

– О возрасте не сейчас.

Татьяна отодвинулась немного в сторону, пожурился паренька:

– Но, но, но!

– Перестаньте дурачиться. Я с серьёзными намерениями.

– Нет, маленький! Нет! – хохотала Татьяна, легонько отталкивая двумя руками мужскую фигуру, едва заметную в темноте. – Давайте уточним: сколько лет юному отпрыску моих коллег?

– На... год ... младше... Но разве столь незначительное обстоятельство помешает нам общаться?

– Нет, конечно! Разрешите вас Вовкой называть?

– Угу! Можно я всё же поцелую?

– Ха, ха, ха! Нет, малыш!

– Почему?

– Потому что мужчины не спрашивают разрешения, а делают. Плюс, завтра Галина Семёновна задаст нам трёпку обоим. Давайте прощаться. Прислушайтесь – вдали собаки, нарушив тишину, залаяли, петухи запели. Впрочем, когда приедете к родителям в следующий раз, – жду в гости. Дружить будем!

– Не хочу, не могу, – шептал Вовка, не выпуская руку девушки из своей. – И я не малыш.

– Конечно, конечно, – согласилась Татьяна и мягко подтолкнула паренька в ту сторону, где находился отчий дом кавалера.

Назавтра в учительской физичка и географ – Вовкины родители, никак не прокомментировали знакомство Татьяны Степановны с их сыном. Вскоре девушка переехала в другую квартиру в посёлок Мирный. Отношения с Володей прекратились, не успев толком начаться. Иногда Татьяна Степановна из окна класса наблюдала картину: молодой человек направляется в сторону железнодорожного остановочного пункта, а за ним следом идёт счастливый шестидесятилетний родитель, несущий в руках тяжёлую сумку. В такие минуты девушка с грустью вспоминала романтику той незабываемой ночи, что подарил ей Володя – Володенька Овсевич.

Однажды, Елена Васильевна, увидев, кого выглядывает в окошке Синявская, сказала:

– Боготворит Иван Иосифович сынульку. Два раза в неделю возит Вовке в Минск горяченькую еду: картошечку тушёную в горшочке с грибочками, борщик с мясом, консервирование из домашних запасов.

– Да! – согласилась Татьяна Степановна. – И это понятно – единственный ненаглядный отпрыск.

– А вы умеете готовить вкусности?

– Не очень! Не уверена, что могу конкурировать с Галиной Семёновной.

– Тогда не советую возлагать большие надежды.

– Он такой нежный, романтичный. Мы оба из учительских семей – менталитет общий.

– Забудьте, мальчик моложе вас!

– Я уже слышала подобный совет от одного неприятного типа.

– Моё мнение не единственное – Антонина Филипповна тоже сомневается.

Тоска-кручинушка

С первой полочки (она оказалась весьма внушительной – 420 рублей при средней зарплате по стране 120), Татьяна Степановна отправила посылкой на родину колбасу, консервы, конфеты и игры для младшеньких детей. Имея слабость к цветной обуви, которую советская промышленность в те времена почти не выпускала, наша героиня, завидев в маленьком местном магазинчике в свободной продаже изделия импортного производства, купила для Ленки Статкевич австрийские босоножки из синей кожи в благодарность за поддержку в голодные студенческие годы. А себе Синявская приобрела чешские бирюзовые туфли и новую светло-бежевую кофту, взамен порванной Витьком. Примеряя покупки возле зеркала, вспомнила историю красных туфелек и ещё один случай из детства, запомнившийся Татьяне.

* * *

Мама заказала портнихе первое в Танюшкиной жизни платье индивидуального пошива (до этого дня дитя носило одежду с чужого плеча). Девочка с нетерпением ждала примерку, рисуя в воображении наряд принцессы, но, увидев своё зеркальное отражение, одетое в платье старушечьей расцветки (коричневая ткань в мелкий цветочек), расплакалась. Пришла соседка, противная баба Ганна, везде, где надо и где не надо совавшая свой нос в чужие дела, и, вступив в молчаливый сговор с Александрой Поликарповной, принялась расхваливать наряд. Хитрость не помогла. Платьем девочка не дорожила и через несколько дней разорвала, перебираясь через забор.

Занятая вышеизложенными приятными делами, уроками в школе, написанием планов и проверкой тетрадей, посещением учеников на дому, переселением от одной квартирной хозяйки к другой, прогулками по окрестностям, о Горлике наша героиня первое время почти не вспоминала. Унывать и скучать не давал Шурка Кашин. Добрый красивый парень с велосипедом в руках встречался на дороге то тут, то там и веселил девушку шутками-прибаутками, нелепыми предложениями о замужестве и наслаждался залиvistым смехом Синявской, далеко разлетавшимся по округе.

Спустя некоторое время Татьяна обнаружила – тоска-кручинушка по отвергнутому Павлику вернулась, заявила о себе вновь. Депрессию никто не звал, не ждал, но она пришла, никому не нужная, безжалостная и непредсказуемая. Наступил дисбаланс во взгляде на всё, что окружало Синявскую: некогда весёлая деревушка казалась захолустной, школа – маленькой, люди вокруг – хмурыми, и даже багряная осень куда-то исчезла – её золотой окрас смыли унылые непрекращающиеся дожди.

Татьяна твердила: «Всё забыто! В отношениях с Павликом поставлена точка – нужно двигаться вперёд!» Мысленная установка не помогла – однажды прямо посреди урока случился нервный срыв. Не справившись с нахлынувшими чувствами, молодой педагог убежала, бросив учеников без присмотра. Очнулась в лесу, где принялась рыдать, обхватив сосну двумя руками, благо в одиночестве на любимой поляне позволительно делать это сколько угодно и как угодно. Старые мудрые ели и сосны отнеслись благосклонно к страданиям девушки: «Поплачь, мол, дорогая, легче станет, в слезах горе растворяется!».

Столь эмоциональная и интенсивная психотерапия на лоне природы давала положительные результаты, но лишь на время. Спустя некоторый период депрессия опять возникала из

ниоткуда без спроса и без стука. Незаметный щелчок в голове – и розовое становилось серым, красивое – не радовало, смешное не веселило. Таня опять бежала в лес на любимую поляну и, вытянув руки вперёд по направлению к столице, кричала: «Па-а-а-влик! Ве-е-ернись!» Она знала, знала, что любимый услышит, что она растормошит его равнодушие и заставит парня скучать по былому. Утешительный бред, конечно, но верить в это хотелось!

Действие колдовства

Утро пятого октября.

Учительская.

Педагоги, взяв в руки журналы, тетради и учебники, ждут призыва первого звонка к началу ежедневного трудового подвига. В этот ответственный момент дверь учительской со скрипом отворилась – и на пороге, как по волшебству, возникла долговязая родная и милая сердцу Татьяны фигура Горлика. Звук, который издали дверные навесы, и ворвавшийся из коридора свежий воздух в полумрак учительской сельской школы, слабо освещённой светом единственного окна, заставил коллег Синявской дружно повернуть головы в сторону вошедшего высокого светловолосого паренька, одетого в модный джинсовый костюм.

В учительской повисла тишина. Чтобы пауза не затянулась надолго, молодой человек поприветствовал честное собрание и, отыскав глазами Синявскую, направился к ней, но Антонина Филипповна на правах главного должностного лица преградила незнакомцу проход между столами.

– Вы к кому? – спросила она, выпятив грудь вперёд, демонстрируя готовность в любую минуту защитить школу, коллектив и себя. – Вторглись, словно ураган!

– Простите, не желал никого напугать!? – извинился парень и предпринял попытку прорваться сквозь мощный заслон в виде внушительной фигуры директора.

– Здесь всё происходит так, как я того желаю! Беспорядок в храме знаний не потерплю, тем более, что сейчас начнётся первый урок.

– Я не посягаю на ваш храм!

– Коллеги, – обратилась директор к учителям, которые в этот момент с некоторым недоумением наблюдали сцену, разыгравшуюся в учительской, – посмотрите, как наш гость копытами бьёт – весь в нетерпении! Внятно отвечайте, зачем пожаловали?

– Извините – волнуюсь! Не разъяснил! Всю ночь ехал, на крыльях летел, дорога дальняя – подустал немного. Сейчас всё расскажу, всё поведаю.

– Кто таков? – продолжила допрос Антонина Филипповна.

– Разрешите представиться – жених Татьяны Степановны, незваным гостем ворвался к вам и нарушил установленный порядок, – заявил блондин с апломбом, словно объявил войну присутствующим.

– Жених!? – Таиса Михайловна прижимает руку к обветренным губам, словно желает прикрыть мелкие трещинки, образовавшиеся во время осенней уборки колхозного урожая со школьниками.

– Да! И я попросил завхоза дать звонок на пять минут позднее.

– Перенос! Неслыханная наглость! – возмущается начальница и громко хлопает журналом по столу.

В учительской наступает немая сцена.

– Татьяна Степановна, откуда взялся такой? – спрашивает Таиса Михайловна, на правах ближайшей подруги Антонины Филипповны.

– Нежданное явление народу. С небес, вероятно!

– Я бы сказала: «Нахальное явление!» – высказалась директор. Она бушевала, пыталась навести порядок, но в это утро всё шло не по плану – с появлением незнакомца в учительской поселился хаос, педагоги, забыв об уроках, шумно беседовали. – Синявская, не ловите мух, а держите крепче стопку тетрадей! – в сердцах сделала замечание Антонина Филипповна.

Тетради, почувствовав, что руки русоведа уменьшили хватку, медленно сползли вниз, образовав на деревянном полу бесформенную грудку.

– Я ведь спрашивала – вы отрицали наличие оного! – твердила грозный руководитель и беспрерывно тыкала пальцами то в фигуру парня, тёмным силуэтом выделявшимся на фоне слепящего света, хлынувшего из просторного, имеющего многочисленные окна коридора, то в Татьяну Степановну, безуспешно пытавшуюся собрать детские работы, чтобы навести порядок под ногами. – Если вы думаете, что вам удастся бросить нас посреди учебного года и оставить школу без учителя русского языка, оголить, так сказать, то глубоко заблуждаетесь!

– Сама в недоумении, – лепечет Синявская.

– Не отпущу! – заявляет директор и растопыривает руки.

Страстный диалог прерывает Горлик:

– Всё это крайне интересно и, возможно, актуально, но я, всё же, попытаюсь украсть свою невесту!

– Этого не будет!

– Не навсегда, лишь на несколько минут! – поясняет Павел. – А потом расставим точки над всеми «и», появившимися между нами.

– Представьтесь, хотя бы.

– Горлик Павел Матвеевич.

– Кто вы, что из себя представляете?

– Студент, ваш будущий коллега.

– Всё равно, надо разобраться! – не сдаётся хозяйка кабинета.

– Вот сейчас всё и выясним, – отвечает Горлик и бесцеремонно тащит Синявскую за руку в коридор, закончив с неистовым поцелуем, спросил: – Ну, что!?

– Что, что? – недоуменно пролепетала Синявская, отбиваясь руками.

– Соскучилась? Или я для тебя уже никто? – продолжил допрос мнимый жених, широко раздувая ноздри и прижимая всем своим долговязым корпусом Татьяну Степановну к стенке.

– Нет, но...

– Меня всего трясло и колотило, пока добирался.

– С чего бы это?

– Как представляю...

– Что?

– Что местные кавалеры... вокруг тебя крутятся.

– Ты прав – волчком вертятся, – медленно ответила Татьяна, краем глаза заметив, что вена на шее Горлика раздулась. Жар, бушевавший внутри кровеносного сосуда, обдал теплом щеку Синявской.

– Ах, так это правда? У-у! – прорычал Горлик и, сосредоточившись на гневе, не заметил, что глаза подруги засверкали искрами торжества.

– Я свободная девушка.

– Есть уже кто-то? – допытывался Горлик.

– Если да, то что?

– Задушу!

– Великолепно! – рассмеялась девушка.

Пойми этих женщин! После садистских слов Павлика она успокоилась и поднесла губы к длинной шее Горлика, чтобы утихомирить ходуном ходившую вену. Спустя несколько секунд кокетливо прошептала: – Я на урок, дети ждут.

Я к тебе на крыльях летел

Забудется смятение – и метания исчезнут

После окончания школьных занятий вновь образовавшаяся парочка отправилась в лес, который рос невдалеке от посёлка Мирный. По дороге Горлик то и дело бросался к Татьяне, чтобы обнять или поцеловать, но девушка рекомендовала ему соблюдать дистанцию:

– Деревня – люди смотрят! Не забывай, к учителям пристальное внимание со стороны любопытных, – шептала Синявская.

– Боишься, что кавалеры увидят!?! – кипятился Горлик.

На облюбованной ранее Танюшей поляне молодые люди отыскали поваленное толстое дерево и разместились на нём, а старый лес надёжно укрыл молодых людей от чужого взгляда.

– Почему не сказала, куда распределилась!?! – набросился Горлик с упрёками.

– Специально, – ответила Синявская и посмотрела на бывшего друга с вызовом.

– Преднамеренно!?

– Ты не интересовался.

– Жестокая!

– Не драматизируйте, пожалуйста, Павел Матвеевич! Мы и без этого знаем о ваших актёрских способностях.

– Да я чуть с ума не сошёл, когда приехал с картошки и сообразил, что не знаю, где ты!?!

– А что делала соображалка всё лето!?! С кем развлекался, с кем веселился по вечерам? Хорошо ль в колхозе было?

– Всё ерунда – пытался отвлечься! Гитара, танцы.

– О-о! Так и вижу картину: молодой ловелас сидит на травке, а вокруг кружком возлежат у его ног милые девицы, нежные головки в кудряшках на коленки музыканта возложили и трепетно внемлют звукам, которые издаёт дребезжащая старая гитара.

– Это всё плод твоих фантазий.

– Дорогой, помнишь фото из пионерского лагеря, где ваш курс практику проходил? На снимке в центре сидишь ты и улыбаешься во все зубы, а вокруг прекрасным цветником однокурсницы расположились.

– Что старое вспоминать – невинная композиция, дурачились! Думала от меня сбежать?

– Думала проучить и сделать самую главную проверку наших отношений. Как? Как меня нашёл?

– Я пошёл в деканат и мне секретарь – Лариса Евгеньевна, сообщила, куда тебя распределили.

– Не постеснялся?

– Настоящего мужчину трудности на подвиги вдохновляют! Как я всех удивил!?

– Сюрприз удался.

– В Толочине возле здания исполкома оказался в шесть утра. Разбудил сторожа, узнал у него телефон заведующего районо, и вот – я здесь.

– Ты – мой герой!

– Да, я такой! Деньги, правда, последние потратил. А в Толочине – темень, никого возле районо нет, и у меня всего одна двухкопеечная монета. Бросаю двушку в автомат, а рука дрожит, и думаю: «Что, если монета провалится?» Но в трубке услышал: «Алло!»

– В такую рань побеспокоил заведующего!

– А что? – пробасил Павел довольным голосом. – Сказал, что невесту ищу. Мужик мужика всегда поймёт. Пододвинься ко мне, обниму.

– Маловероятно, что Дмитрий Леонидович вспомнил меня!

– Как только я назвал фамилию, – он сразу сообщил, что в Колосово поехала. Ещё и подсказал, как добираться, но я не стал автобус дожидаться – пешком пошёл: не терпелось увидеться. И вот я – пред тобой!

– Заладил: «И вот я здесь, и вот я здесь!»

– Километров шесть пешком протопал.

– Молодец, конечно, но...

– Наконец дождался скупую похвалу! Солнышко, моё! Танюша, иди ко мне. Хватит дуться. Скучал.

– Не верю!

– На крыльях летел!

– Высоко парите, молодой человек! Спуститесь, дорогой, на грешную землю! Мы не можем любить друг друга после того, что сделали!

– Дай мне один день и одну ночь – и я покажу, что другим стал. Сам не знаю, что происходит. Лежу на кровати в общежитии и вроде бы слышу – твой голос зовёт.

– Глупости говоришь.

– Вскрываю с уютного тёплого ложа и брожу всю ночь по коридорам. Уснуть не могу!

– Сочиняешь.

– Покой потерял!

– Всё наладится.

– После этих галлюцинаций тоска на меня напала: на девушек не гляжу, учиться неинтересно. Жуть!

– Какой ужас! – пляснула Татьяна ладошками. – Колдовство – не иначе.

– Смеёшься! А мне каково!?! Представляешь – вижу картину: ты стоишь возле дерева, обнимаешь ствол и кричишь свою коронную фразу: «Горлик! Вернись!» Куда, зачем возвращаться? Жениться-то мне рано! Кстати, пейзаж чем-то напоминал этот, и поляна похожа.

– Беденький, намаялся. Придётся тебя утешить, – сжалилась Синявская.

Окружающий природный мир замер, и, желая примирить молодых людей, и вовсе куда-то исчез, растворившись в осеннем воздушном пространстве. Остались он и она. Она – и он.

Татьяна чувствовала, что этап бесшабашной студенческой жизни миновал – девушка стала взрослой, мудрой, старой. А что же милый? Тот неожиданно расплакался скупыми мужскими слезами и зарыл лицо в юбку бывшей подруги.

– Всё будет хорошо, – говорила Татьяна и гладила его жёсткие волосы на макушке, задумчиво смотрела вдаль и думала о чём-то своём, потаённом.

– Девушек в общежитии – сколько хочешь, руку только протяни! Песню на гитаре спел – и все у моих ног! А я, дурак, о тебе думал.

– Это временное явление.

– Скучал.

– Пройдёт.

– Хотел видеть – и ничего больше, лишь бы рядом была.

– Больше ни я, ни ветер, ни сосны звать не будем.

– Ты, действительно, кричала!?

– Нет, глупенький, нет. Что вскочил? Ну, вот – птицы защибетали, крыльями захлопали, разволновались, бедняжки.

– Если бы ты звала... Это всё бы объяснило!

– Пошутила, – смеялась девушка. – Сядь!

– Мне бы легче стало, а то гложет, гложет... Неведомые силы тянут... Совладать не могу.

– Вот и вернись в мои объятия.

– Я ж не простак: долго сопротивлялся, – продолжал исповедь Павел.

– И, правда! Что же ты...

- Признайся! Звала!
- Ха, ха, ха!
- Я же чувствую!
- Ха, ха, ха!
- Тебя и силушку твою знаю. Как хлопнешь дверью – во мне, худеньком, всё содрогается!
- Так уж...
- А пощёчину помнишь?
- Ну-у...
- Влепила, видите ли, за непочтительное обращение – искры из глаз моих посыпались.

Графиня из графина! А на самом деле – от сохи и пашни, – не унимался Горлик.

Присмирившая Танька слушала жалобы и приговаривала:

– Успокойся, любимый! Я – рядом, я – с тобой! Сам сказал, что из недр земли выросла крепкая и сильная. Посмотри, какое мягкое покрывало из золотых листьев уснул нам клён. Ложись на плащ.

– А когда руку вашей светлости при выходе из троллейбуса не подал? Таким холодным взглядом обдала, что сутки потом согреться не мог. Слышишь меня?

– Слышу, слышу. Тш... Расслабляемся и засыпаем. Сон на природе силы придаёт душе и телу, – говорила колдунья, убаюкивая любимого. – Не волнуйся, спи. Вот так вот, миленький. Вот так. Умница! Хорошо тебе?

– Ворожея ты! – прохрипел молодой человек, чувствуя, что теряет контроль над собой, впадает в полудрёму, растворяется в словах любимой, её мягком шёпоте, в виде эфемерного бальзама лившегося на душу. – Потерялся и себя потерял.

– Отдохни немного, но залёживаться нельзя – земля холодная.

– Жестокая ты! – настаивал Горлик.

– Пусть будет так, – отвечала девушка и целовала расстроенное лицо парня.

Молоденькие ели, что окаймляли поляну со всех сторон, деликатно отвернулись, стыдливо прикрыв глаза ветками, так как вдоволь наговорившихся влюблённых закружил водоворот чувств, захлестнула страсть. Кто на этот раз был виноват в случившемся – не разобрать.

– Опять меня соблазнил, – твердила она.

– Ты меня поманила, – утверждал он.

– Твоя вина!

– Прости! Виноват, виноват, – спохватившись, каялся поверженный и ласкал коленки любимой!

Ах, как мастерски он умел это делать!

Дом в центре города

*Ты говорил мне о любви,
И моё сердце пело:
Цветут хризантемы в саду,
Растут хризантемы в саду!*

Кто кого заколдовал, кто кого заманил – не разобрать!?! Гармония, наступившая в душе обоих после возобновления отношений, убаюкивала разум. В следующие выходные Татьяна вышла на трассу Москва- Минск, проголосовала и добралась на попутной машине до столицы. Когда молодые люди гуляли по площади Ленина и проходили мимо красивого здания из красного кирпича – бывшего костёла, а теперь киностудии «Беларусьфильм», Горлик сообщил:

– Здесь, в актёрском отделе, работает мама моего друга Сергея Якубова.

– Ты никогда не рассказывал о нём, – удивилась Синявская.

– Во время прохождения с Васей Васильевым, моим однокурсником по театральному институту, проб на роль принца, ко мне подошла ассистент режиссёра и сказала: «Вы удивительно похожи на моего сына – надо вас познакомить!» И познакомила. Сергей оказался уменьшенной моей копией. Интересная женщина: чужих людей взять вот так с бухты-барахты свести и соединить их судьбы навсегда! Я знал, что все талантливые люди немного не от мира сего, но чтобы настолько! Давай зайдём в гости.

– А где они живут?

– Здесь – недалеко, рядом с киностудией, – ответил Горлик и указал на одноэтажное деревянное здание, спрятавшееся за монументальными постройками.

– Каким чудом в центре города сохранилась эта халупа?

– Серёжка женился на Лике Жуковой. Отец Лики – профессор, преподаватель научного коммунизма, получил жильё от Белорусского государственного университета. Семья Жуковых переехала в новую квартиру возле кинотеатра «Беларусь», а молодожёны остались жить здесь. Тоже мне халупа! Огромный просторный дом со всеми удобствами возле самого Дома правительства. Хотел бы я иметь такой! Но у меня отец – сторож.

– Извини, кажется, я что-то не то сказала. Почему ты называешь его Серёжка?

– Потому что мой двойник значительно меньше росточком.

– Неужели?

– Сама увидишь. Хочу тебя попросить: «Не задавай молодожёнам вопросов о возрасте».

– Почему?

– В седьмом классе Серёжка влюбился в нежную хрупкую одноклассницу Машу. Он заявил, что желает создать семью. Родители не одобрили неподобающую возрасту фантазию, и тогда у подростка случилась попытка суицида. А потом психиатрическая клиника и лечение...

– Ранний мальчик.

– И ранимый. В девятом классе Серёжка встретил Лику. Родители после недавних неприятных событий не посмели препятствовать сыну в его возродившемся желании опять создать семью.

– Надеюсь, ты не склонен к подобным поступкам?

– Я – поздний ребёнок, который не должен был появиться на свет, поэтому с момента рождения когтями за жизнь цепляюсь.

– Рада, что ты – крепкий орешек.

– Да, такой. О самоубийстве никогда не задумывался.

– Умница!

– А ещё какой?

– Добрый, приветливый, отзывчивый, воспитанный красавец книгоман и театраломан! Я тебя обожаю, но нечего нос задирать.

От похвал Горлик возгордился, его понесло, и он принялся орлом кружить вокруг Танюшки: обнимал, тискал, целовал, пытался носить на руках и всё причитал:

– Ты самая лучшая в мире!

– Умерь, пожалуйста, пыл...

– У меня крышу сносит от счастья! Трам-там-там, трам-там-там. Танька, это вальс! Танцуй со мной.

– Перестань! Цент города – люди смотрят!

– А мне всё равно!

– Неудобно, – хохотала подруга, отбиваясь от цепких рук Горлика. – Остановись, к дому Якубовых подошли. Волнуюсь, как отнесутся коренные минчане, отпрыски богемных семей, к девушке из деревни?

– Всё будет хорошо! В гостях ничему не удивляйся и лишних вопросов не задавай. Молодёжны совсем дети, но у них уже есть дочь.

Дочь Якубовых – Кристинка, крохотная малышка, родилась семимесячной. Несмотря на это кричала она заправски. Сергей, общительный голубоглазый блондин, продемонстрировал полное отсутствие в его чертах снобизма. Худенькая Лика – обладательница экзотической внешности (смуглая кожа, раскосые кошачьи глаза, которые иногда были то зелёными, то карими, выступающие скулы, полные пухлые губы, окаймлённые коричневым контуром, из-за чего рот девушки выглядел крупным и сексуальным) очаровала Синявскую своей искренней роскошной улыбкой.

Якубовы оказались весёлыми и открытыми людьми. Таньку встретили приветливо, как свою. К чаю подавались гренки с селёдкой и луком, и при этом не было никаких комплексов по поводу скромного стола.

– Питаемся, в основном, винегретами и макаронами с майонезом, – пояснила Лика.

– По вашим фигурам не скажешь, – удивилась Синявская.

– Порции маленькие.

– Красивая эта Лика, – сказала Татьяна, когда Синявская с Горликом покинули гостеприимный дом. – Теперь мне понятно, почему твой друг сходил по ней с ума.

– Тяжело им приходится – безденежье, маленький ребёнок, но молодая пара не ропщет. Живут в центре – в доме всегда многолюдно, шумно и весело.

– Вы с Сергеем действительно схожи! – засмеялась Синявская.

– В театралке училась студентка Анна – невероятная копия Лики. Поговаривали, что в институт её приняли за внешнюю схожесть с Софи Лорен (в Белоруссии дефицит актёров с нетипичной внешностью). Иногда, встретив в городском транспорте Анну, я по ошибке называл девушку Ликой, чем страшно её обижал.

– Ничего странного не нахожу! Ты со своим слабым зрением часто ошибаешься подобным образом, а тут ещё полумрак автобуса. Однажды, возможно, и меня вот так перепутаешь?

– Ни за что! Узнаю любимую издали по еле уловимым, но до боли знакомым очертаниям. Не волнуйся и иди ко мне, поцелую.

– Смотри мне, – пошутила Танюшка.

– Мистика какая-то! У Лики – свой двойник, а у Сергея – свой. Каково тебе это?

– Говорят, что каждый житель нашей планеты имеет двойника, который где-то ходит, бродит по земельке-матушке. Жаль только, что, несмотря на округлость земного шарика, схожие люди не всегда могут встретиться.

– А наши с Серёжкой пути пересеклись! Соединились, не только невидимыми нитями – уникальный случай.

– Не задирай нос. К добру ли это?

– Конечно, к удаче. Я польщён подобным знакомством. Понимаешь, они – из другого мира! Учились в элитных столичных школах в центре Минска. Якубов вместе со своим другом Игорем Вирковским играли в школьном вокально-инструментальном ансамбле. Мальчики до сих пор витают в облаках и никак не могут приземлиться: их идеал – хиппи, длинный волос, свобода в одежде, и всё что-то кому-то хотят доказать. После школы не пошли получать высшее образование, хотя двери любых вузов для них открыты! Правда, Игорь (меня с ним познакомил Серёжка) больше сумел адаптироваться в обществе. Работает на заводе, изготавливает платы – высококвалифицированный специалист! Инженерную должность занимает, а он без образования и зарабатывает много.

– Сколько?

– Четыреста рублей.

– Ого!

– Да! Но по-прежнему в поиске – пишет романы.

– Взяться за столь серьёзный жанр, не имея диплома литературного института!? Смело!

– Дерзко, я бы сказал. Кстати, Серёжка тоже сочиняет что-то подобное – сам видел рукописные тома. Толсты-ы-ые! Такие вот они, мальчики из центра нашей столицы. Завидую и невольно стараюсь им подражать, хотя бы в одежде. На свадьбу Якубовых вырядился в полосатый чешский костюм и оранжевую рубашку, привезённую ужгородскими родственниками из Венгрии и подаренную мне. Лишь потом, когда ловил на себе недоуменные взгляды гостей, сообразил, что напоминаю клоуна. Девушка Игоря, Неля, увидев меня на торжестве в костюме Остапа Бендера, сказала: «Этот парень как фантик!»

Павел рассмеялся, а вместе с ним и Татьяна.

– Но почему фантик? Костюм у тебя голубого цвета?

– А ей до сих пор кажется, что брюки были оранжевые. Ха, ха, ха!

– Это из-за рубашки. Я обожаю её, но не в таком сочетании.

– Костюм приобрели мои двоюродные братья в универмаге Ужгорода, в который часто завозят заграничный товар, благодаря близкому соседству города с Чехословакией. Отец, увидев меня в Луске на автостанции в таком аляпистом наряде, от стыда чуть не умер и принялся убежать от сыночка и прятаться за домами. А я нёсся за ним следом с чемоданом и кричал: «Папа! Папа!»

– Ты уже рассказывал эту историю.

– К тому клоню, что провинциальному мальчишке хотелось подражать столичным подросткам.

– Не раз наблюдала за группами хиппи в арке возле ГУМа, где они группируются.

– Серёжка и староста нашей группы Саша Финевич, были завсегдатями этих сборищ.

– Хиппи меня пугают и одновременно притягивают своей смелостью. В подражание им в девятом классе одела длинную до пят юбку, когда в городе ещё мало кто носил.

– Не ожидал от тебя!

– Ты меня не знаешь, я в душе – бунтарь!

– Тихий.

– Не смейся, ещё намахнешься со мной. Хотела заявить всему миру, что я – не такая как все! Особенная. Представляла себя в образе Наташи Ростовской на балу в длинном... и танцую... танцую... танцую...

Танька закружилась по пустынной площади Ленина в вальсе.

– Там-пам! Там-пам! Там-пам-пам!

– Ну, вот! Теперь ты уже не волнуешься, что мы – в сердце столицы и люди не одобряют веселье.

– Так никого не-е-ет! Вокруг – безлюдье, тишина и безмолвный город, накрытый убаюкивающим покрывалом сна, а ещё ночь, зияющая безмятежной чёрной дырой в пространстве.

– А памятник Ленину?

– Ему нет дела до влюблённых. Он – хранитель порядка в Доме правительства.

– Романтик ты, Танюша! Вот кто! Пошли, а то на поезд опоздаем!

– От романтика слышу. Пока, пока, столица! Я скоро вернусь, а в промежутке буду писать письма тебе и Горлику.

Письмо

Здравствуй, милый! Это – твоя Синявская! Извини, что не получишь весточку за вчерашнее число – простудилась в дороге и заболела. К тому же, накануне отправили школьный педагогический и детский коллективы собирать колхозную картошку. Вернулась с полевых работ с температурой. Светлана лечит свою квартирантку, чем может. В комнате тепло и тихо. Тесновато спать на сложенном диване (ты же знаешь, как люблю просторную постель), но принципиально не раскладываю: диван и я с нетерпением ждём тебя! Лежу, страдаю и скучаю – хотелось бы, чтобы любимый был со мной всегда. 27-го октября вызывают в Толочин в Дом пионеров на церемонию посвящения в вожатые. По окончании официальной части – танцевально-буфетная программа. Пригласительный – на две персоны. Можно прибыть в сопровождении кавалера, но, к сожалению, его у меня при себе нет. Может, из Минска выписать? Телеграммой!

Ай, ай, ай! Павлик, друг мой ненаглядный! Оказывается, ты оставил багрово-синий след на моей шее! Как тривиально! Учителя узрели (я сама не знала о его существовании) и прокомментировали: «Маленький засос у миленькой». Свитер с высоким воротником не скрывает следы преступления. Твоя мама связала свитер, который связал нас. Надеюсь, навеки!

Осталось два дня – и мы опять вместе. Горличек, как ты там? Устаёшь? Сожалею, что дарила тебе мало ласк и нежности в последнюю нашу встречу. Сожалею. Сожалею. Сожалею. Ворчала, ворчала, а отчего, спроси – не знаю. Хорошо, что ты у меня оптимист! Вероятно, женщине все же надо в первую очередь комфорт и бытовые условия и лишь потом – любовь.

А всё-таки, давай поедem на осенних каникулах в Москву? Очень хочется! Уже сейчас начнём собирать деньги? Да? Слышу – в воздухе летает согласие. Решено, я так и напишу Любушке, девушке, с симпатичными ямочками на щеках, чтобы ждала. Уверена – моя черноокая подруга тебя очарует.

Любимый! Одну неделю разлуки всё же легче пережить, чем две. До встречи в Минске! Хочется навестить наше бывшее общежитие, вспомнить былое и увидеть самую спокойную девушку в мире Наташку Царик. Скучаю по ней и богатой приключениями студенческой жизни.

P. S.

Проснулся сынишка Светы – Лёнька. Нужно пойти и посмотреть малыша. Славные детки у Светланы и Анатолия. Или все дети славные? Света, вероятно, сказала, чтобы маленькие шалуны не ходили в мою комнату, потому что там злой дядя. Звала Лёнечку к себе в гости, а он говорит: «Не пойду, дядя набьёт!» Как там твой племянник Бадя? Привет вашей невестке Яде – женщине, которая прочит нам общую судьбу. Люблю её за это.

Целую, целую, целую.

До свидания.

25—10—1977 года.

Твоя зазнобушка-занозушка Танюшка.

Заговор

Оказалось, чужое счастье не всегда радует других людей. Коллеги и директор школы настроение Татьяны Степановны не разделяли. Антонина Филипповна вызвала подопечную для беседы.

– Татьяна Степановна! Ваша нагрузка в школе чрезмерно велика, а тут ещё участившиеся поездки в Минск, которые усложняют ситуацию!

– Мои встречи с Павлом никак не повлияют на качество работы, – заверила подопечная.

– Я и наш коллектив так не считаем, поэтому преднамеренно изменили расписание занятий – в субботу у вас пять уроков.

– Режете по живому, Антонина Филипповна!

– Антонина Филипповна уже пятнадцать лет успешно руководит школой – и она знает, как важен полноценный отдых моим подопечным.

– Я как раз хотела попросить освободить меня на два выходных, – сказала взволнованная Татьяна, показывая на определённую цифру в графике занятий. – Надвигается зима – погодные условия усложняются, и добираться в Минск всё труднее.

– Отношение к вашим свиданиям высказано однозначно! Перестанете встречаться – и ваш друг быстренько испарится. Подыщите себе местного парня, хотя бы того же Александра Кашина. Очень порядочный молодой человек.

– Мой выбор сделан!

– Вам поступило официальное предложение?

– Нет!

– Вот и не надо! Не нужен нам такой ухажёр! Какой из него кандидат в мужья!? Студент – ему ещё учиться да учиться. Правду я говорю? – обратилась директор к коллегам.

– Присоединяемся, – подтвердила математичка Таиса Михайловна, а Галина Семёновна и Иван Иосифович кивнули головой. Всегда спокойный и уравновешенный физрук Леонид Александрович промолчал.

Расстроенная Татьяна Степановна вылетела на улицу и свернула за угол. Стояла под школьной яблоней, которая в ожидании прихода зимы уже давно сбросила свой пышный убор, наблюдала за жалобно болтающимися одиночными листьями, скрюченными от холода в бесформенные трубочки, и плакала. Тайны мадридского двора! И где, в этой забытой-позабытой деревушке из двадцати домов! В этой маленькой школке восьмилетке с двенадцатью учениками в классе! Коллеги, очень порядочные и воспитанные люди, к которым она относилась с глубочайшим уважением, вступили в заговор против молодой пары! Поеду в Минск, всё равно поеду – ничто и никто меня не остановит!

* * *

И поехала наша бунтарка, поехала, да только на обратной дороге Татьяна Степановна перепутала остановку электрички. Уроки в субботу и предыдущая ночь, проведённая с любимым, сделали своё дело. Сон сморил девушку, несмотря на шум и гам в пригородном поезде. Часов в шесть утра проснулась от крика проводницы: « СтанцияСловени!» Глянула в зияющее темное окно, – а там чернота. Мамочки, проехала! Выскакивает из вагона, оглядывается вслед уходящему составу и понимает, что сошла с поезда рано. Подбегает к дверям станции, дергает за ручку – закрыто, метнулась к кассе, окошко которой находилось с фасада здания, – никого. Бросается вслед поспешно удалявшимся фигурам приехавших пассажиров и, догнав, задыхаясь, спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, Тротилово далеко?

– Следующая остановка, – слышит в ответ.

– За сколько часов пешком можно добраться?

– Пе-е-ешком? – переспрашивает мужчина средних лет и, не глядя на Татьяну, хохотнув, отвечает. – Часам к девяти утра дойдёшь!

Ответил и, свернув налево, исчез. Вот только что был, а тут уже – нет! Растворился в предутренней дымке, а вслед за ним ещё три спутника. Остался парень лет восемнадцати-двадцати. Кто таков – толком не понять, не разобрать: рост средний, меховой головной убор глубоко натянут на лоб, чуб кудрявый из-под неё выбивается, куртка с поднятым воротником. Первый снег ещё не пошёл, но стояли крепкие утренние морозы. Синявская остановилась в нерешительности. А шапка-ушанка, отойдя метров на пять вперёд, повернулась к девушке и произнесла басом:

– Ну, что стала? Двигай за мной!

– Растерялась, – пролепетала Татьяна.

– Растерялась она! – пробормотала тёмная тень, из-за происков тумана лишь отдалённо напоминавшая человеческую. – Слышал, в Тротилово тебе надо?

– Да! Нет!

– Так да или нет!?

– В деревне Колосово живу.

– Не знаю такой.

– И не удивительно – небольшенькая деревушка, Мотиёвский сельский совет.

– Топай за мной! Когда выйдем на трассу, километров десять останется. Проголосуешь – попутка доведёт.

Сказал и ушёл вперёд, ни разу не оглянувшись за всю дорогу, а попутчица – за ним на небольшом расстоянии перебежками (с постоянного ритма сбивали то и дело набегавшие страхи, смятение и сожаление). Девушка то догоняла паренька, то, подустав, отставала. В такие моменты она рисковала потерять спутника из виду – асфальт едва угадывался и голые стволы деревьев на обочине – тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.